

НИИ Географии Санкт-Петербургского государственного университета
Институт проблем экологии и эволюции РАН им А.Н. Северцова
Центральносибирский биосферный государственный заповедник

Этногеографические и этноэкологические исследования
Вып. 5

К.Б. Клоков

**Традиционное природопользование народов Севера:
концепция сохранения и развития в современных
условиях**

Под редакцией Е.Е. Сыроечковского и А.И. Чистобаева

*Работа выполнена при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
грант № 97-06-80043*

Санкт-Петербург
1997

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ	4
1.1. Традиционное природопользование и экономическое развитие.....	4
1.2. Традиционное природопользование и экологическая культура.....	5
1.3. Традиционное природопользование и национальное сознание.....	8
2. СИСТЕМЫ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬ- ЗОВАНИЯ КАК ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН.....	11
3. ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ, ОСНОВАННЫХ НА ОЛЕНЕВОДСТВЕ И ПРОМЫСЛЕ ДИКОГО СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ (НА ПРИМЕРЕ ТАЙ- МЫРСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА).....	14
3.1. Формирование основных этнохозяйственных ареалов.....	15
3.2. Основные тенденции в традиционном приро- допользовании	17
4. КРИЗИСНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭТНОХОЗЯЙСТВЕН- НЫХ СИСТЕМАХ ТУРУХАНСКОГО ТАЕЖНОГО СЕВЕРА	21
5. ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В ТРАДИЦИОННОМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ (ПРИНЦИПЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ)...	25
5.1. Исторические права коренных народов на землю и биологические ресурсы	26
5.2. Община и ее роль в традиционном природо- пользовании	27
5.3. Принципы защиты интересов коренных народов при промышленном освоении	29
5.4. Совместное управление биологическими ресурсами	30
5.5. Этноэкологические территории	36
ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ	37
Литература	39

Введение

Традиционные формы природопользования коренных малочисленных народов Севера обычно расцениваются как хрупкие реликтовые социально-экологические системы, нуждающиеся в бережном отношении со стороны общества и поддержке государства. Возможность их выживания и развития в современных условиях представляет собой важную теоретическую проблему, которая в настоящее время далека от решения.

Имевшие место в прошлом попытки подвести теоретическую базу под необходимость интеграции традиционных культур малочисленных северных этносов в доминирующее общество носили скорее политический, чем научный характер и были далеки от объективности. Заимствованные в последние годы за рубежом новые взгляды на возможность сохранения этнического своеобразия коренных народов в современном мире также еще далеки от оформления в научную теорию. Это скорее сумма политизированных идей, утверждающих, что такие народы заслуживают особого внимания как несправедливо обиженные европейской цивилизацией, а прогресс не должен противоречить традициям.

При этом очевидно, что отношения между большими и малыми народами России исторически сложились особым образом, и опыт решения этнических проблем в других северных странах нельзя непосредственно применять в наших условиях. Однако то, чем именно должны отличаться пути их решения в условиях России, остается еще недостаточно ясным. Поэтому актуальным становится научное обоснование новой концепции сохранения и развития коренных народов Севера России и их традиционного природопользования.

Около десяти лет назад в НИИ Географии Санкт-Петербургского государственного университета ученики и сподвижники Л.Н. Гумилева начали разработку нового подхода к проблемам коренных северных народов, основанного на концепции этногенеза. В его рамках коренные этносы рассматриваются в составе более крупных систем - **этноценозов**, объединяющих их с социально-географической и природно-географической средой (Иванов, Никитин, 1990, Чистобаев, Хрущев, Громова, 1994 и др. работы).

Цель нашего исследования состояла в разработке адекватной современному состоянию географической науки концепции традиционного природопользования в развитии научного направления, лежащего на стыке этнической географии и этнической экологии.

Помимо теоретических положений Л.Н. Гумилева о **взаимосвязях этноса с кормящим ландшафтом** в методологию нашего подхода (его можно назвать **культурно-экологическим**) были положены выработанные русской общественной мыслью в XIX-XX вв. идеи того, как должны строиться отношения между народами России - Евразии, а также практический опыт решения проблем коренных народов в зарубежных государствах.

В основу работы легли материалы, отражающие проблемы развития традиционного северного природопользования в целом и основных отраслей оленеводческо-промышленного хозяйства, собранные автором в районах Крайнего Севера за почти 25-летний период.

Эти исследования были начаты автором еще в 1973 году в Туруханском районе Красноярского края в составе экспедиции, организованной Е.Е. Сыроечковским с целью изучения охотничье-промышленного хозяйства и биологических ресурсов енисейской тайги (на базе экологической станции "Мирное"). Впоследствии Туруханский район стал своеобразной моделью, позволяющей отслеживать экономические, экологические и социальные процессы, протекающие в традиционном природопользовании. Большое значение имела также возможность сопоставлять новые материалы с результатами детального биолого-хозяйственного обследования этого же региона, проведенного в середине 1960-х годов перед организацией в Туруханском районе государственных промысловых хозяйств Главохоты РСФСР (Сыроечковский, 1968). Наличие длительного ряда эколого-эко-номических наблюдений, выполненных на основе преемственности основных принципов и методов, создало уникальную возможность ретроспективного анализа. Впоследствии отработанные на туруханской модели подходы были использованы и в других регионах, в период работы автора во ВНИИ охраны природы и заповедного дела (преимущественно на Севере Западной Сибири), НИИ экономики и организации сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны РФ (на Европейском Севере), а затем в НИИ Географии СПбГУ, в коллективе которого сформировались основные положения нашей концепции.

Кроме автора, в сборе материалов для этой работы принимали участие В.С. Дмитриев, С.А. Хрущев, Б.И. Вдовин, И.А. Григорьева, Т.Г. Канаева, О.Р. Крашевский, В.М. Моисеева, А.А. Петрушин, Ю.А. Чесноков и многие другие. Их основная часть была получена на Таймыре и Туруханском Севере в рамках научного сотрудничества НИИ Географии СПбГУ с Институтом проблем экологии и эволюции РАН, при участии Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Центральносибирского биосферного государственного заповедника. В организации исследований большую роль сыграл Государственный комитет по вопросам развития Севера РФ и его руководители А.И. Волгин и П.Х. Зайдфудим, а также администрации Красноярского края, Таймырского автономного округа и Туруханского района.

Зарубежный опыт решения проблем традиционного природопользования освещен главным образом на основе литературных материалов, использование которых стало возможным благодаря контактам с учеными из Канады, Норвегии, Франции, США (профессор Anne-Victoire Charrin, этнологи и географы G. Fondahl, M. Roue, C. Rayer, H.J. Wallin-Weihe, A. Wiget, J.P. Ziker и другие), а также со специалистами по оленеводству и лидерами саамского движения Норвегии (O.E. Smuk, J.M. Tugi и другие). Эти контакты осуществлялись во время зарубежных поездок и совместных экспедиций на Севере России.

Автор пользуется случаем выразить благодарность организатору и руководителю северных экспедиций академику Е.Е. Сыроечковскому, товарищам, коллегам и всем оказавшим содействие в этой работе. Отдельно хочется поблагодарить за помощь и гостеприимство промышленников, оленеводов и жителей районов, где проводились исследования.

1. Традиционное природопользование коренных народов в современном мире: теоретические аспекты проблемы

1.1. Традиционное природопользование и экономическое развитие

Проблема изучения и сохранения традиционного природопользования коренных народов актуальна по многим причинам.

Во-первых, традиционное природопользование является основой жизнедеятельности этих народов, необходимым условием их существования. Если не сохранится традиционное природопользование - исчезнут и коренные народы.

Во-вторых, вместе с традиционным природопользованием исчезает и уникальный исторический опыт экологической культуры, составляющий богатство не только коренных народов, но и всего человечества.

В-третьих, что особенно важно для России, сохранение промыслово-оленьеводческого хозяйства и традиционного уклада жизни коренных народов Севера можно рассматривать как один из аспектов другой актуальной сейчас проблемы: попытки найти альтернативу западной модели общественного развития.

В-четвертых, это один из частных случаев глобальной проблемы поиска путей устойчивого (sustainable) развития человечества в целом.

Подходя к рассмотрению этих проблем, нужно прежде всего определить методологическую позицию исследования. Сделаем это, поставив конкретный вопрос: является ли традиционное хозяйство народов Севера отсталым? Точнее, можно ли, и если да, то в каком смысле, говорить об отсталости этого особого типа связей между обществом и природой.

Согласно сформировавшейся двести лет назад классической экономической теории (А. Смит, Д. Рикардо, Дж. и Дж. Ст. Милль, Т. Мальтус и др.), благополучие народов есть монотонная функция их материального богатства. Такой подход позволял расположить все народы по степени их цивилизованности на одной временной оси, отражающей различные стадии одного и того же процесса развития. Считалось, что более цивилизованные европейские народы прокладывают путь, по которому в будущем неизбежно должны пройти остальные - "отсталые" - народы.

Это было основным положением классической теории. При этом подчеркивалось, что цивилизованность не должна навязываться отсталым народам в прямой форме. Необходимо так изменить социально-экономическую среду, чтобы население само преодолело свою природную апатию, свойственную "отсталым" народам, и стало проявлять инициативу в экономической жизни. Для этого необходимы глубокие структурные преобразования во всем обществе, которые бы изменили отношение населения к работе, накоплению, риску, предпринимательству, конкуренции, стимулировали бы потребности в производстве и экономических инновациях (Platteau, 1978). Несмотря на значительный "возраст" этой теории, изложенные выше взгляды и сейчас очень распространены и несомненно хорошо знакомы читателю.

Противоположна ей точка зрения, свойственная идеологии традиционализма народов "третьего" и "четвертого" мира и значительному числу европейских политологов (Latouche, 1986, 1989, Partant, 1982 и др., Perrot, Rist, Sabelli, 1992 и др.). Она ставит под сомнение линейный характер социально-экономического развития общества, а, соответственно, и само понятие "отсталости" народов. Последнее рассматривается как "евроцентричное", применимое лишь в системе отсчета самой европейской цивилизации. В современных условиях "отсталые" народы уже не могут повторить путь, пройденный европейской цивилизацией. Когда такие попытки предпринимались, они приводили лишь к разрушению культурных и экономических основ традиционных обществ и их эксплуатации Западом.

В отличие от классической экономической теории в традиционализме конкуренция рассматривается как отрицательный фактор - злая сила, неизбежно ведущая цивилизацию к кризису. Однако, активно отрицая "мир, где все продается и все покупается", современные традиционалисты, как правило, не выступают против материального прогресса вообще. Они считают необходимым, сохранив максимум из прошлого традиционных культур, "добавить" к ним полезные ценности Запада.

Такое направление традиционализма (его можно называть "неотрадиционализмом") в принципе не вызывает возражений. Проблема состоит в том, о каких ценностях цивилизации должна идти речь. Вопрос можно сформулировать так: какие из фундаментальных ценностей современной (европейской в своей основе) цивилизации могут быть восприняты традиционным обществом с тем, чтобы оно не потеряло свои существенные положительные черты? Не менее важна и другая сторона этого вопроса: что ценного может взять современная цивилизация у традиционных культур коренных народов, в частности, у традиционного природопользования?

1.2. Традиционное природопользование и экологическая культура

Различие между традиционным природопользованием и хозяйственной деятельностью современного общества в значительной мере связано с разными представлениями людей о природе и о месте в ней человека. Эти различия, несколько упрощая, можно пояснить так: для человека современной цивилизации окружающий мир, в том числе и природа, в первую очередь - ОНО. Человек, принадлежащий к традиционной культуре, наследует более древние представления о мире, когда этот мир для людей был Ты. В основе современного научного знания лежат отношения типа

"субъект-объект", где субъект активен, а объект пассивен. Это понятийное знание, оно расчленено и эмоционально индифферентно. В прошлом же движущей силой поступков, мыслей и чувств человека было убеждение в том, что божественное имманентно природе и тесно взаимодействует с обществом. Родство с природой включало не только разум человека, но и все его существо, его чувства и волю (Франкфорт, 1984).

Разрушение этой связи вызвано было переходом отношения "человек - природа" из области веры и поэтической интуиции в интеллектуальную сферу. Начало этого процесса в рамках европейской культуры отмечено в Древней Греции, его завершение мы наблюдаем в настоящее время. Начиная с Возрождения и Нового времени рациональная философия кладет в основу объективных знаний о мире разум человека, который постепенно делает себя мерилем всех вещей. В результате формируется антропоцентрическая картина мира, и появляется принципиальная возможность абсолютного противопоставления человека природе, с переносом внимания на внешние проблемы приспособления окружающего мира к потребностям человека.

Реализация этой возможности была связана в основном уже с экономическими причинами - развитием товарно-денежных отношений, в результате которых природа сделалась средством производства (Василенко, 1983). "При капитализме природа становится всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью; ее перестают признавать самодовлеющей силой..." - писал К. Маркс (Соч., т.46, ч.1, с.387).

Антропоцентризм в философии перешел в капитало- и техноцентризм в экономической жизни. Интересы человека начали постепенно отождествляться с его материальными потребностями. Между целями общества и целями производства фактически был поставлен знак равенства. И если традиционные культуры и сейчас еще сохраняют свое восприятие природы как живого единства, с которым возможно вступать в общение, то для большинства представителей нашей цивилизации природа сделалась только полезной вещью.

Однако было бы ошибкой считать, что эта отрицательная черта имманентна европейской культуре и цивилизации в целом. К такому выводу легко прийти, если воспринимать лишь низшие слои европейской культуры. Ее истинные ценности позволяют глубоко понимать природу и делают возможным творческое общение с ней не в меньшей, а даже в большей степени, чем традиционные (дохристианские) культуры. Достаточно вспомнить великих православных святых России преп. Сергея Радонежского и Серафима Саровского, Франциска Ассизского на Западе, или почти современного нам околоцерковного мистика - Даниила Андреева.

Необходимо подчеркнуть также, что в дореволюционной России принцип антропоцентризма не получил такого сильного влияния, как на Западе. Стремление властвовать над природой и использовать ее в своих целях в русской культуре было выражено значительно слабее, как слабее была и власть капитала в экономике. Западный технократизм распространился в России лишь после Октябрьской революции. При этом пафос покорения природы преломился у нас в большей степени романтикой коллективной борьбы со стихией, чем стремлением организовать ее технологическим мышлением гениального инженера.

В итоге "опредмечивание" природы, которое было инициировано западноевропейской рациональной философией, привело к замене лежащего в истоках европейской культуры христианского тезиса о господстве человека над природой тезисом ее покорения.

Отношение господства требует сохранения моральной ответственности, покорение же - это позиция завоевателя, который такой ответственности не несет. В результате подчинение природы и подчинение человека оказываются двумя сторонами одного процесса, ибо личность, стремящаяся покорять, не может обладать действительной свободой. Ее сознание оказывается во власти стремления контролировать, навязывать свою волю, утверждать себя над всеми: природой, другими людьми и другими народами. В результате у человека, получившего странную способность наслаждаться природой, не любя ее, возникает ощущение человека бездомного, чуждого природе, утратившего способность осмысленного проживания на земле (Василенко, 1983).

Такой тип отношений можно определить как экологическую парадигму покорения и преобразования природы (Клоков, 1991). Демонстрируя ее пафос, приведем отрывок выступления одного из сибирских писателей (1926 год) :

"Пусть рыхлая зеленая грудь Сибири будет одета цементной броней городов, вооружена каменными жерлами фабричных труб, скована тугими обручами железных дорог. Пусть выжжена, вырублена будет тайга, пусть вытоптаны будут степи. Пусть будет так, и так будет неизбежно. Ведь только на цементе и железе будет построен братский союз всех людей, железное братство всего человечества" (цит. по Ф.Р. Штильмарку, 1972).

По мере того как становилась очевидной несостоятельность этой воинствующей экологической (точнее, "антиэкологической") парадигмы, последняя постепенно сдала свои позиции установке на мирное сосуществование с природой, рациональное использование природных ресурсов и охрану среды. Находясь в рамках парадигмы рационального природопользования, мы воспринимаем историю взаимодействия общества и природы как историю последовательного снятия ограничений, с которыми сталкиваются люди, решая в принципе одну и ту же задачу: как обеспечить наращивание потоков вещества и энергии, идущих от природной среды к обществу, на основе эффективного использования знаний (Гирусов, 1981). Решается она путем поиска новых технологических решений, так как каждая качественно неизменная, но количественно растущая форма производства в конце концов приводит к истощению своей ресурсной базы, что диктует необходимость перехода к новой форме и образования нового ресурсного цикла. Последнее сопровождается более глубоким, чем прежде, изменением природных систем, которые становятся средой вновь возникшего вида производственной деятельности. Процесс этот выражается во многократном повторении и снятии одного и того же противоречия, причем опасность конфликтов со средой и степень экологического риска с каждым разом возрастают. Достижение "гармонии" с природой связывается при этом с очередным этапом научно-технического прогресса, например, с установлением контроля за состоянием среды и поддержанием ее равновесия в масштабах биосферы. Миссия человека в эволюции биосферы видится в глобальном управлении природными процессами, т.е. в подчинении их человеческому разуму.

Эмоционально такая позиция может быть окрашена стремлением восстановить, исходя из рациональных принципов, нарушенное в природе равновесие, поставив ее тем самым полностью на службу человеку. Охрана природы носит при этом по существу вынужденный характер. Она осуществляется лишь в той мере, в какой это необходимо, чтобы

обеспечить бесперебойное использование ресурсов и оптимальное для человека состояние среды, как в настоящее время, так и на возможно более длительную перспективу.

Необходимость сохранить для науки будущего эталоны не затронутых хозяйственной деятельностью экосистем при этом также учитывается. Однако утилитарное отношение к природе как к не более чем средству достижения своих целей сохраняется; остается, следовательно, и коренная причина противоречия между человеком и природой, хотя его отрицательные последствия старательно игнорируются. Отношения с природой продолжают осознаваться как кризисные.

Посмотрим теперь, как видят свое место в окружающем мире люди традиционного общества. Наиболее концентрированное выражение их взглядов мы нашли в речи, произнесенной в 1854 году великим индейским вождем Сизтлом. Речь эта, несомненно, выдающийся исторический документ. Мы приводим здесь ее в переводе с французского языка с небольшими сокращениями (Idees et action, 1976).

Быть может, мы с вами братья ?

*Речь великого индейского вождя Сизтла,
произнесенная в 1854 г. перед Ассамблеей индейских племен
(сокращенный перевод с французского источника)*

Большой Вождь из Вашингтона сообщил нам о своем желании купить нашу землю.

Большой Вождь заверил нас в своей дружбе и своих лучших намерениях. Он очень великодушен, Большой Вождь: ведь мы хорошо знаем, что ему не слишком нужна наша ответная дружба.

Тем не менее мы обдумываем это предложение. Мы знаем - если мы откажемся продавать землю, белые придут с ружьями и возьмут ее силой.

Но можно ли купить или продать небо, купить или продать тепло нашей земли? Странная мысль!

Мы не владем ни свежестью воздуха, ни блеском воды - так можем ли купить или продать все это? Самый маленький уголок этой земли - свят для моего народа. Каждая иголка сосны, каждая песчаная отмель, каждая прядь тумана в сыром лесу, каждая полянка, жужжание насекомых - все это свято и в памяти, и в жизни моего народа. Сок, который течет в жилах деревьев, несет в себе память красного человека.

Белые люди, умерев и гуляя среди звезд, забывают свою родную землю. Наши мертвые всегда помнят свою прекрасную землю, так как эта земля - мать красного человека. Мы сами - часть этой земли, так же как и она - часть нас самих.

Благоухающие цветы - наши сестры, олень, лошадь и большой орел - наши братья. Гребень горы, сочная трава прерий, теплая спина пони, и сам человек - все они члены одной большой семьи.

Поэтому когда Большой Вождь из Вашингтона просит нас продать нашу землю - он требует от нас многого.

Большой Вождь заверил нас, что он выделит нам уголок, где мы сможем удобно жить, и мы, и наши дети; он станет нашим отцом, а мы будем его детьми.

И мы обдумываем ваше предложение купить нашу землю, но это для нас не просто, так как эта земля святая для нас.

Вода, блестящая в маленьких ручьях и в больших реках, - это не только вода. Это кровь наших предков. Если мы продадим нашу землю, вы должны будете помнить, что эта земля - святая. И вы должны будете научить этому ваших детей, чтобы и они знали, что каждый отблеск воды в светлых озерах рассказывает о прошлом нашего народа. Шепот воды - это голос отцов наших отцов.

Большие реки - наши братья. Они утоляют нашу жажду. Они несут наши каноэ и питают наших детей. Если мы продадим нашу землю, вы не должны забывать, что ее реки - братья для нас и для вас. Впредь вы должны учить этому ваших детей, проявляя к ним такие же добрые чувства, какие вы имеете к своим братьям.

Красный человек всегда отступал перед белым, как горный туман, который рассеивается с восходом солнца. Но пепел наших отцов свят и могилы их в земле, которая свята. И эти холмы, и эти деревья, каждый уголок этой земли - святы. Мы знаем, что белый человек не может понять наших мыслей. Для него нет разницы между одним участком земли и другим. Он - чужеземец, который приходит ночью грабить землю для своей выгоды. Земля для него не брат, она ему враг, и победив этого врага, он продолжает свою дорогу. Он оставляет позади могилы своих отцов, но это не беспокоит его.

Вы должны будете учить своих детей, что земля под их ногами - пепел наших предков. Чтобы они чувствовали уважение к земле, передайте им, что ее богатство пришло от нашего народа. Учите ваших детей так же, как учим своих мы: тому, что земля - наша мать. Все, что происходит с землей, происходит и с ее детьми. Когда люди плюют на землю - они плюют на самих себя.

Мы знаем: земля не принадлежит человеку, это человек принадлежит земле. Мы знаем: на свете все связано друг с другом, как кровь, которая объединяет одну семью. Все на свете связано.

Все, что происходит с землей, происходит и с ее сыновьями. Человек не ткал полотна жизни, он сам лишь одна из нитей этого полотна. Все, что он делает над этим полотном, он делает над собой.

Мы обдумываем ваше предложение идти в резервацию, которую вы предназначаете нашему народу. Мы будем жить в стороне от вас и мы будем жить в мире. Неважно, где мы проведем остаток своих дней. Наши дети видели своих отцов униженными в своем поражении. Наши воины познали стыд. После поражения они проводят свои дни в праздности,

оскверняя свои тела нежной пищей и крепкими напитками. Какое значение, где мы проведем остаток наших дней? Их осталось не так много. Еще несколько часов, еще несколько зим - и не останется никого из детей великих племен, которые когда-то населяли эту землю и которые теперь бродят в лесах небольшими группами. Никого не останется, чтобы оплакать могилы некогда могущественного народа, который был так же полон надежды, как полон ей сейчас ваш народ. Но зачем оплакивать кончину моего народа? Племена состоят из людей, не более. А люди приходят и уходят, как волны на море.

Но и белый человек, Бог которого идет вместе с ним и говорит с ним как с другом, не сможет избежать общей участи. Возможно, мы с вами братья, несмотря ни на что, возможно; мы это увидим. Но мы знаем одну вещь, которую узнает в свое время и белый человек: наш Бог - это тот же самый Бог. Вы думаете сейчас, что вы владеете своим Богом, так же, как вы думаете, что вы владеете землей. Но вы не можете этого. Он Бог людей, и его сострадание одинаково, и для красного человека, и для белого.

Земля для него драгоценна, и тот, кто несет ей страдание, противен Ему. Белые уйдут также - и, может быть, даже раньше, чем другие племена. Продолжайте пачкать свою постель, и однажды ночью вы задохнетесь в собственных нечистотах.

Но в своей гибели вы сгорите в огне, зажженном могуществом Бога. Бога, который привел вас в эту страну и который по своему замыслу дал вам власть и над этой землей, и над красным человеком. Этот замысел для нас тайна. Мы не понимаем его, так как бизоны убиты, дикие лошади покорились, тайные уголки леса пропитались тяжелым запахом многих людей, созревшие для жатвы холмы опутаны говорящей проволокой.

Где лесная чаща? Она исчезла. Где орел? Его больше нет. Как сказать "прощай" ловкому пони и охоте? Наша жизнь кончилась - началось выживание.

Да, хорошо, мы обдумаем ваше предложение купить нашу землю. И если мы согласимся, то для того, чтобы иметь твердую уверенность получить резервацию, которую нам обещали. Там, может быть, мы сможем закончить те краткие дни, которые нам остались, живя согласно нашим обычаям. И когда последний красный человек исчезнет с этой земли и память о нем будет не более, чем тень облака, скользящего над прерией, эти берега и эти леса сохранят души людей моего народа. Потому, что они любят эту землю, как новорожденный любит биение сердца своей матери. И если мы продадим вам свою землю - любите ее так же, как мы ее любили. Заботьтесь о ней так же, как заботились о ней мы.

Храните в своей памяти эту страну такой, какой вы видите ее сейчас, когда вы ее берете. И всеми вашими силами, всеми вашими мыслями, всем вашим сердцем берегите ее для своих детей и любите ее так же, как Бог любит всех вас.

Мы знаем: наш Бог, тот же, что и ваш Бог. Он любит эту землю. Белый человек не сможет избежать общей судьбы. БЫТЬ МОЖЕТ, МЫ С ВАМИ БРАТЬЯ. Мы увидим.

Содержание речи раскрывает, во-первых, связь человека традиционного общества ("Красного Человека") с миром природы:

- Земля не принадлежит людям, это люди принадлежат Земле - своей Матери и Матери своих предков.
- Человек - сын Земли. Животные, растения, реки, холмы и все многообразие мира природы - его братья.
- Смерть человека (так же, как и исчезновение народа) печальна, но не трагична, потому что Земля хранит ушедших детей в своей памяти.

Во-вторых, в речи четко сформулирована позиция Красного Человека и его миссия по отношению к Западной Цивилизации ("Белому Человеку"):

- Белый Человек, пришедший на Землю индейцев, враг этой Земли и враг своего прошлого.
- Белый Человек не владеет этой землей, ему только кажется, что он ей владеет.
- Рано или поздно Белый Человек получит возмездие за дела, которые он творит на Земле.
- Белый Человек тоже сын Матери Земли, брат Красного Человека и всего сущего на Земле.

Поэтому, несмотря ни на что, именно ему будет вручен завет хранить Землю, хозяйном которой он сам себя сделал. Он не властен отказаться от этой ответственности и избежать общей судьбы. По нашему мнению, речь Сизгла - это своеобразный "экологический завет" беречь и любить Природу и Землю. Завет этот, **несмотря ни на что**, должен быть передан современной европейской цивилизации, так как **именно она** стала основным хозяином Земли и несет за нее полную ответственность. Наша задача - уметь принять этот завет, тогда как задача коренных народов - передать его нам. В свете такого подхода традиционное природопользование коренных народов предстает нам как важная составная часть мировой экологической культуры, которая может быть спасена только совместными усилиями двух сторон: коренных народов и доминирующего общества.

Для этого необходимо преодолеть свойственный доминирующему обществу антропоцентризм и этноцентризм. Эти явления связаны друг с другом. Ограниченность и утилитарный подход к природе соответствуют такой же ограниченности в восприятии ценностей других культур. Сохранение природного и культурного разнообразия - это лишь две стороны общей проблемы.

Решение этой проблемы должно начинаться не с поиска оптимальных технологий реконструкции природы и традиционных культур, а со смены нашей точки зрения на природопользование. Его можно рассматривать не только в контексте производства, но и в контексте экологической культуры. Человек является не только творцом, но и главным достижением культуры. Осознавая свои отношения с природой как культуротворческий процесс, он начинает рассматривать их как двусторонние, стремиться к диалогу с ней, включая природу в сферу действия этических норм, которые раньше распространялись только на отношения между людьми.

Рациональное, стремящееся к равновесному, природопользование при этом сохраняется. Однако экономические соображения выступают уже не как критерий оптимальности, а как ограничения. Взгляд на человека как на производителя и потребителя уступает место пониманию его как создателя культуры и, прежде всего, главной культурной ценности - самого себя.

Как отметил Ф.Р. Штильмарк (1996), это соответствует переходу от психологии героического "прометеевского" человека, стремящегося оформить окружающий мир своей организующей властью и уходящего все дальше и дальше от

Бога в глубь мира вещей, к человеку "иоанновскому". Последний ощущает этот мир и свое бытие в нем как благо, относится к нему любовно, без желания что-либо изменить по своему произволу.

Примером "иоанновского" отношения к природе, взятого в масштабах общества, может быть созданная в нашей стране система природных заповедников. Ни одна страна в мире, кроме России, не создавала заповедников на принципе полного невмешательства человека в природные процессы, предоставляя тем самым природе возможности для самотворчества. Характерно, что практичные американцы, создав очень хорошо организованную систему охраняемых природных территорий, так и не смогли выделить участков абсолютной заповедности. Однако и в России с подлинной, абсолютной заповедностью боролись и продолжают бороться не только официальными государственными установками сталинско-хрущевского периода, противопоставлявшими подлинной заповедности "заповедное хозяйство", "пролетарский туризм", "плановую рекреацию", но и более изощренными методами. Среди последних и принцип "обогащения природы" (один из вариантов ее покорения), и "разумная регуляция" и "управление биоценозами" и "экотуризм". За всем этим стоит желание изменить окружающий мир в угоду растущим потребностям человека. "Между тем вся теория заповедности заключена в принципе "отойди и не трогай", а это в корне противоречит законам современной техногенной цивилизации, в том числе и преданной ей науке" (Штильмарк, 1996, с. 308-313).

Как мы уже отмечали, отношение человека к другим народам строится, в целом, на тех же принципах, что и его отношение к природе. Рассматривая окружающий мир как средство для достижения своих целей, люди распространяют этот подход и на природу, и на другие окружающие их народы. В таком контексте отношение к природе, к другим народам и, в конечном счете, к самой личности человека оказываются тесно связаны друг с другом.

Эта мысль подчеркивается во многих работах, посвященных проблемам коренных народов.

Ценности Уол-Стрит, - пишет, например, по этому поводу французский этнолог Эрик Наве (Navet, 1991), - символической границы, отделявшей в прошлом Новый Амстердам (будущий Нью-Йорк) от земель индейцев, находят своей отражение в триедином процессе: *этноцида* (разрушения других культур), *экоцида* (разрушения природы) и *эгоцида* (разрушения личности).

1.3. Традиционное природопользование и национальное сознание

В переходе от "протеевского" к "иоанновскому" типу мировосприятия большое значение имеет исторический опыт духовной культуры России.

В дореволюционной России исторически сложился определенный тип отношений к большим и малым народам, населявшим ее окраины. Русская общественная мысль выработала конструктивные принципы и подходы к решению национальных проблем, отличные от западноевропейских, учитывающие специфику Российской государственности и различия между европейским и азиатским культурными пространствами. В разные периоды истории они находили отражение в работах В.С. Соловьева, П.Я. Чаадаева, Е.Н. Трубецкого, А.С. Хомякова, Л.П. Карсавина, Н.А. Бердяева, П.Н. Савицкого, Д.С. Лихачева и других русских мыслителей и общественных деятелей.

В основе здесь лежит уважение к глубинным слоям жизни народов. Каждый народ имеет свою духовную сущность. Он есть нечто большее, чем арифметическая сумма отдельных составляющих его лиц. Его можно рассматривать как "соборный" или "симфонический" субъект развития, который является не меньшей реальностью, чем отдельный человеческий индивидуум. Наличие такого высшего "сверхиндивидуального" или "соборного" сознания обогащает каждого входящего в него индивидуального человека, давая ему возможность по-своему, по-особенному выражать это надиндивидуальное общее. Чем богаче по своему содержанию это общее, тем богаче, полнее и индивидуальная жизнь человека. Однако эмпирически ни один соборный субъект не достигает полного единства и не реализует себя полностью. Нередко он как бы "забывает" о своем единстве, распадаясь на множество индивидуумов (Евразийство..., 1926).

Чтобы его единство проявлялось в наибольшей степени, народ должен иметь объединяющие его идеи, интересы и устремления. Именно это и делает его народом в полном смысле этого слова - соборной личностью, а не просто демографической популяцией людей с общими предками.

"История всякого народа представляет собой не только вереницу следующих друг за другом фактов, но и цепь связанных друг с другом идей. Каждый факт должен выражаться идеей; чрез события должна нитью проходить мысль или принцип ..." - писал еще в 1836 г. П.Я. Чаадаев (цит. по изд. 1992 г., с. 41-42). - Настоящая история народа начинается лишь с того дня, когда он проникнется идеей, которую он призван осуществить, и начнет выполнять ее с тем настойчивым, хотя и скрытым инстинктом, который ведет народы к их предназначению".

По этой причине борьба народов есть борьба не столько физических, сколько духовных сил, и ее нельзя сводить к борьбе за животное существование и удовлетворение элементарных людских потребностей. Унижение народа наносит рану прежде всего его духу, а не его телу, его призванию, а не его материальным интересам. Поэтому национальный вопрос в России есть вопрос не просто о существовании, а о достойном существовании населяющих ее народов. "Если материальные интересы отдельных людей порождают народный интерес, то и нравственные интересы отдельных людей порождают общий нравственный интерес народа, - писал В.С. Соловьев (1883, с.11). - ... у народа является нравственная обязанность относительно других народов и всего человечества". Поэтому невозможно решить национальные проблемы одним только устранением материальных противоречий, вложением денежных средств и организационными мероприятиями.

Личность, в том числе и соборная, не может существовать без творческой активности. Поэтому народ всегда складывается не иначе как активный исторический субъект, как народ-производитель. Его развитие требует движения.

"В творческом движении, а не в извечной неподвижности, которая кажется справедливостью, нужно искать более высоких качеств бытия народов... Только творческое созидание может оправдать их в собственных глазах и в глазах всего мира. Внести же в мир творческие ценности мы можем лишь в том случае, если будем повышаться и в ценности и в качестве собственного бытия. Всякое творческое притязание должно быть оправдано творческим действием, движением к

более высокому качеству. И истинная национальная политика может быть лишь творческой, а не охраняющей, созидающей лучшую жизнь, а не кичащейся своей статической жизнью" (Бердяев, 1918, цит. по изд. 1990, с. 189).

Поскольку это движение должно быть творческим, оно должно иметь внутренние, а не внешние стимулы и источники. "Общество, которое вне себя ищет сил для самосохранения, уже находится в состоянии болезненном", - писал А.С. Хомяков (1839, цит. по изд. 1992 г., с.62).

Вместе с тем творческое движение требует свободы. Источник этой свободы внутри народа, но внешние обстоятельства могут свести его внутренние возможности на нет, не давая им развиваться. В России творчество и свобода народов всегда тормозились и тормозятся сейчас двумя мощными силами: бюрократическим централизмом и провинциализмом.

"Крайний централистический бюрократизм, - писал Н.А. Бердяев (там же, с. 74-75), - и крайний провинциализм соотносительны и взаимно обуславливают друг друга. Россия погибает от централистического бюрократизма с одной стороны и темного провинциализма с другой. Децентрализация русской культуры означает не торжество провинциализма, а преодоление и провинциализма, и бюрократического централизма, духовный подъем всей нации и каждой личности" ... А это предполагает в первую очередь **"уважение** к тем слоям русской жизни, которые происходят в неведомой глубине и дали народной. Нельзя **предписать свободу из центра, - должна быть воля к свободе в народной жизни**, уходящей корнями своими в недра земли" (выделено нами - К.К.).

Слова, сказанные Н.А. Бердяевым о глубинных слоях русской жизни, относятся, конечно, и ко всем народам России.

Однако национальное сознание народа не дано ему изначально, оно существует не всегда, пробуждается у разных народов в разное время и в неодинаковой степени. В прошлом у большинства народов господствовали национальные инстинкты, а не национальное самосознание. Пробуждение самосознания народов есть важный успех в историческом ходе развития человечества. Сама же народность - самый положительный и важный фактор природно-человеческой жизни (Соловьев, 1883). Подлинное самосознание, преодолевая провинциализм национальной жизни и интересов, ставит бытие каждого народа в перспективу мировой истории (Бердяев, 1918).

В отличие от больших народов пробуждение самосознания коренных малочисленных этносов началось относительно поздно. На Севере России оно до сих слабо выражено. Яркие примеры такого пробуждения мы находим в американских странах (у индейцев и эскимосов), а также у саамов северной Европы.

Процесс этнического самосознания связан с формированием определенной национальной идеологии, примером которой может служить "экологический завет" американских индейцев. Уже в середине прошлого века американские индейцы не только сознавали себя хранителями своей Земли, но и в полной мере чувствовали свой долг передать любовь и заботу о ней белым, которые неизбежно приходили на их место. Едва ли протекающие сейчас процессы индейского возрождения в современном обществе оказались бы возможными, если бы белое большинство американцев не старалось принять этот завет и не могло бы в какой-то степени осознать историческую миссию народов-первожителей континента как хранителей дикой природы. Едва ли и у самих индейцев хватило бы сил и энергии сопротивляться и отстаивать свою автономию и самостоятельность, если бы речь шла только о сохранении народов, а не всей их Земли. Не потому ли до сих пор не двигаются с места проблемы коренных народов Севера нашей страны, что ни они сами, ни русские не смогли еще достаточно ясно понять и выразить свои исторические задачи?

Итак, историческая динамика народов всегда предполагает нарушение сложившегося равновесия. Народ приобретает устойчивость в развитии и движении, остановка означает потерю устойчивости и разрушение. Однако такое движение является не отрицанием, а утверждением прошлого.

Культура - это активная память, - писал академик Д.С. Лихачев (1991). Она развивается не путем перехода на новые рубежи, а путем накопления. Настоящий культурный прогресс всегда связан с обращением к прошлому и невозможен без этого. Поэтому нельзя огульно делить народы на "культурные" и "не-культурные". Уже сам факт древности - кажущейся "отсталости", а фактически просто отличия от современности - культурных или хозяйственных традиций какого-либо народа, может свидетельствовать об их особой ценности для человечества. В тройной взаимосвязи - природы, истории и современной культуры - лежит, на наш взгляд, ключ к пониманию путей сохранения как природного, так и культурно-этнического разнообразия Севера России. Однако сохранить это разнообразие невозможно, не сохраняя и не приумножая при этом культуру всего российского общества в целом, прежде всего, нашу собственную русскую культуру, не создав в нашем обществе соответствующей культурно-экологической среды, в которой могли бы свободно существовать и иные, национальные самобытные культуры.

Распространенной ошибкой, возникающей от избыточного желания подчеркнуть собственное национальное достоинство, нередко становится специальная погоня за национальной самобытностью. Очень точно об этом написал В.С. Соловьев в открытом письме к И.С. Аксакову: "Люди и народы бывают самобытны, но **сделаться** самобытным никто не может. Народная самобытность, как настоящий клад, дается только тем, кто его не ищет; а кто ищет - тот вместо сокровища приносит домой одни негодные уголья. Чтобы проявить народную самобытность, вовсе не нужно "устремлять все силы к распознаванию нашего народного типа", как вы говорите, а нужно эти силу прилагать к делу" (Соловьев, там же, с.39-57).

Одним из проявлений самобытной культуры народов Севера является их традиционное хозяйство, или природопользование. Может возникнуть вопрос: на каком основании мы рассматриваем традиционное хозяйство (природопользование) как составную часть культуры, включая его, в том числе, и в мировое культурное наследие человечества?

Таким основанием могут служить работы русского философа С.Н. Булгакова (1911, 1912, 1917). Из проведенного им анализа сущности понятия хозяйства вытекает, что последнее может одновременно и противопоставляться культуре (как необходимая деятельность - свободному творчеству), и включаться в него. "Хозяйство, - писал он, - есть творчество и не может не быть им, как всякая человеческая деятельность" (Булгаков, 1917, цит. по изд. 1994 г., с.305). Содержание

хозяйственного процесса состоит в превращении материи, действующей с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью, в преодолении необходимости свободой, причинности целесообразностью, иными словами, в **очеловечивании природы** (Булгаков, 1912, цит. по изд. 1990 г., выделено автором).

Таким образом, хозяйство недостаточно рассматривать односторонне, как некоторый механизм, регулирующий деятельность хозяйствующих субъектов, исходя из их экономических интересов. Личность хозяйствующего субъекта играет в нем не менее важную роль, чем экономические интересы. Нельзя до конца понять хозяйственную жизнь вне творческого к ней отношения. "Хозяйство есть взаимодействие свободы, творческой инициативы личности и механизма, железной необходимости, есть борьба личности с механизмом природы и общественных форм...", - писал С.Н. Булгаков (там же, с.113-114).

Добавим, от себя, что это утверждение о сущности хозяйства как мирового явления особенно соответствует традиционному природопользованию коренных народов, где деятельность человека наиболее тесно связана с природным комплексом.

Хозяйствующим субъектом - творческим началом в хозяйственном процессе - в данном случае является не индивидуум, а "соборная личность" - этнос или этно-территориальная группа. В современных условиях (в отличие от исторического прошлого) этот субъект вступает во взаимодействие не только с природными экосистемами, но и с экономическими структурами доминирующего общества. Таким образом, природопользование северных народов становится ареной взаимодействия традиционной культуры и европейской цивилизации.

Взаимодействия разных культур, включая контакты между коренными народами и доминирующим обществом, неизбежно имеют для каждой из них и положительные, и отрицательные последствия. При этом сами контакты являются обязательным условием существования каждой культуры.

"Сравнивают народ с растением, забывают, что растение ... должно не только держаться корнями в почве, но и **подниматься над почвой**, должно быть открыто для внешних чужих воздействий, для росы и дождя, для свободного ветра и солнечных лучей.... необходима готовность принимать просвещающие и оживляющие воздействия, через кого бы они ни шли, не дожидаясь того, чтобы родная и близкая почва дала нам то, что может дать только далекое солнце и чужая атмосфера" (В.С. Соловьев, там же, с.26-27, выделено автором).

Эти слова В.С. Соловьева, принципиально верные, были обращены в основном к русскому народу, для которого (во всяком случае в то время) опасность заключалась не столько в отрыве от собственной исторической почвы, сколько наоборот, в недостатке контактов, оплодотворяющих его потенциальные духовные силы. Коренные народы находятся сейчас в совершенно ином положении. Они страдают от избытка внешних воздействий, особенно отрицательных. Продолжая аналогию Владимира Соловьева, можно сказать, что дождь и ветер настолько превышают меру их резистентности, что не дают им даже немного приподняться над землей, чтобы оставить потомство. Очевидно, что для каждого народа, а точнее, для каждой этно-территориальной группы, так как разные группы, составляющие население одного народа могут находиться в неодинаковом положении, существует объективная мера контактов со своими соседями. Как недостаток, так и избыток их будут отражаться на нем губительно, и для небольшого по численности народа, могут оказаться причиной исчезновения.

Для традиционных сообществ, равновесие которых в современном мире неустойчиво, такая опасность особенно велика. Однако доминирующее общество может взять на себя заботу по регулированию интенсивности таких контактов. Во-первых, в смысле ограничения на территориях коренных народов активности некоренного населения (но не самих коренных жителей !). Во-вторых, в смысле контроля за характером этой деятельности - чтобы контакты не приносили вреда.

Есть хорошая русская пословица - "плотник мыслит топором". Для того, чтобы он мог это делать, необходимы как минимум топор и дерево. Чтобы традиционные отрасли хозяйства народов Севера могли развиваться, необходимы очень простые вещи: угодья, биологические ресурсы, кредиты, материально-техническое обеспечение, возможности для реализации продукции. В чьих руках будет находиться распоряжение этими основными компонентами хозяйственной системы, тот и будет осуществлять в хозяйстве (природопользовании) творческий процесс в соответствии со своими национальными традициями. При этом совершенно неважно, к какой национальности относится наемная рабочая сила. Важно, кто является организатором хозяйственной деятельности, или, говоря проще, хозяином.

Если северные народы получают в свое распоряжение все необходимые в современных условиях компоненты для организации оленеводческого и промыслового хозяйства, они смогут творчески развивать его, соединяя свои исторические традиции с достижениями науки и технического прогресса. Традиционная национальная основа природопользования при этом нисколько не пострадает. Примером могут служить саамы-оленьеводы Норвегии и Швеции.

Если организатором хозяйства (хозяином) будут представители доминирующего общества, оно неизбежно будет построено по тем экономическим моделям, которые заложены в их сознании. В условиях современной России это будет означать продолжение постепенной "индустриализации" оленеводства и промыслов, утрату их самобытных традиционных черт, несмотря на то, что рабочие места в этих отраслях могут быть заняты, главным образом, коренным населением. Примеры такой "индустриализации" (можно было бы сказать "оксидантализации") мы видим повсюду, как у нас в России, так и за ее рубежами.

"Пора, наконец, научиться не противопоставлять традицию и культуру прошлого реалиям настоящего", - вот основная идея концепции неотрадиционализма, которая была обоснована А.И. Пикой и Б.Б. Прохоровым (1994, стр. 25) и которую мы стараемся последовательно проводить в нашей работе. Осознанная опора на собственное культурное наследие для народов Севера - необходимое условие их выживания и развития. "И долг государства помочь и поддержать их на этом пути всеми имеющимися у него средствами - финансами, ресурсами, правами. В этом собственно и заключается основной

смысл концепции неотрадиционализма как новой ориентации государственной региональной и национальной политики на Севере” (там же, стр. 7).

При более детальном рассмотрении возможных путей увеличения числа "степеней свободы" в традиционном хозяйстве коренных народов Севера можно выделить несколько уровней его системной организации:

- индивидуальный или семейный промысловый участок,
- хозяйственная территория группы семей (общины),
- хозяйственная территория крупного оленеводческого или промыслового предприятия (типа колхоза или промхоза),
- административный район,
- субъект РФ,
- Север России в целом.

В зависимости от конкретных условий и степени самоорганизации коренного населения возможности для создания "свободного экономического пространства" могут быть реализованы различные способы на разных уровнях. Решение этой проблемы требует географического изучения пространственной дифференциации и пространственно-временных закономерностей эволюции северных этноценозов, этнических и этнохозяйственных систем.

2. Системы традиционного природопользования как географический феномен

Переходя к рассмотрению географических аспектов проблемы традиционного природопользования, остановимся на основных понятиях: этнос, этноценоз, этноэкологическая и этнохозяйственная системы, этнохозяйственный ареал.

Под этносом мы понимаем устойчивый в историческом времени коллектив, который противопоставляет себя всем прочим аналогичным коллективам и отличается своеобразным стереотипом поведения и ощущением комплиментарности (Гумилев, 1989). Слово "народ" употреблялось нами как синоним этноса. Термин "субэтнос" в данной работе не использовался.

Основное условие жизни каждого этноса - природопользование - связывает его с определенным географическим ландшафтом. Вслед за Л.Н. Гумилевым мы называем этот ландшафт "кормящим", а совокупность кормящего ландшафта и этноса - "этноценозом". Такой подход уже неоднократно использовался применительно к коренным народам Севера (Иванов, Никитин, 1990, Чистобаев, 1994, Чистобаев и др., 1994).

Логическое понятие этноценоза связано с "этноэкологическими системами" И.И. Крупника (1989), "антропогеоценозом" В.П. Алексеева (1975), а также с "биолого-хозяйственными районами" Е.Е. Сыроечковского (1974). Хотя по своему содержанию указанные термины существенно различаются, антропогеоценоз в определенном смысле можно рассматривать как наименьшую единицу этноэкологической системы, а этноценоз - как наибольшую.

По И.И. Крупнику, наименьшая этноэкологическая система включает в свой состав "хозяйственный коллектив", соответствующий наименьшей социальной ячейке традиционного общества, способной к демографическому воспроизводству и самостоятельному развитию, а также ту территорию, которую этот коллектив осваивает. Подобно тому как экологи наряду с базовым понятием биогеоценоза выделяют также и его подсистемы ("фитоценоз", "зооценоз" и др.), мы предлагаем различать в составе этноценоза **этнохозяйственные системы**.

Этнохозяйственной системой мы называем структурную часть этноценоза, непосредственно связанную с кормящим ландшафтом и "технически организованным косным веществом" (Гумилев, 1989). Такие системы - один из наиболее консервативных компонентов этноценоза. Их отдельные части нередко сохраняются даже после того, как население этноса уже вытеснено или ассимилировано. Проекцию этнохозяйственной системы (а также остающихся при ее разрушении элементов) на местность или географическую карту мы называем **этнохозяйственным ареалом**. Учитывая иерархичность строения этноценоза, можно выделять этнохозяйственные ареалы первого, второго и т.д. порядка.

Использование понятия "этнохозяйственный ареал" в качестве основной единицы исследования в современных условиях связано также со следующими соображениями. Этноценозы коренных народов Севера России вначале представляли собой самодостаточные, почти замкнутые системы, основанные на натуральном хозяйстве. Они мало отличались от природных биогеоценозов. Взаимодействие людей с кормящим ландшафтом еще не было опосредованно территориальными экономическими и социальными связями. Каждый социум занимал вполне определенный участок географического пространства, пределами которого и ограничивались его основные связи с природным комплексом. Используя представление о "ресурсных" (в данном случае - о "биоресурсных") циклах (Комар, 1975), можно утверждать, что при натуральном хозяйстве основные биоресурсные циклы полностью лежат в пределах этнохозяйственного ареала. Однако, как показал опыт наших исследований, в современных условиях четко локализовать границы этноценозов малочисленных народов Севера России уже невозможно. Они оказываются пространственно совмещенными с этноценозом доминирующего общества, имеющим совершенно иную систему связей с географической средой. По мере того как малочисленный этнос интегрируется в состав доминирующего общества, он - как этническая система - понижает ранг своей самостоятельности. Изменяются и связи этноса с кормящим ландшафтом. Биоресурсные циклы выходят далеко за пределы последнего, включаясь в экономическую систему доминирующего общества. В этих условиях наиболее удобным для обозначения конкретных объектов исследования термином оказался этнохозяйственный ареал, границы которого можно достаточно четко определить на местности.

Процесс взаимодействия малочисленных коренных этносов с доминирующим обществом можно рассматривать как процесс взаимодействия двух культур, или аккультурации. В работах зарубежных исследователей (Bastide, 1970, Abou, 1981, Lecaillon, 1989), посвященных проблемам аккультурации традиционных культур в различных странах мира, различаются три возможных результата этого процесса:

1. Традиционная культура исчезает, а доминирующая изменяется незначительно (этноцид).
2. Обе культуры сосуществуют и приспосабливаются друг к другу. При этом традиционная культура значительно изменяется.
3. В результате контакта образуется третья, новая культура.

Аккультурация бывает двух типов: материальная - когда традиционное общество заимствует у доминирующего элементы его материальной культуры, и формальная - когда изменяются структуры сознания, в результате чего происходит отказ от традиционных форм мышления.

Результатом формальной аккультурации часто становится интерпретация традиционных ценностей в терминах культуры доминирующего общества. Такое явление можно назвать также фольклоризацией культуры (Charrin, 1995). Однако возможен и процесс синтеза, при котором, овладевая культурой доминирующего общества, коренной народ получает новые возможности самовыражения.

Этап формальной аккультурации является критическим моментом в жизни коренного этноса: если он ведет к фольклоризации - культура гибнет, а потерявший культурное своеобразие этнос ассимилируется доминирующим обществом. Если же преобладает процесс синтеза, то аккультурация оборачивается своей положительной стороной (по Ж.-Ф. Лекайону - "рекультурация"), и образуется неокультура на традиционной основе. Сохранение традиционного общества в статическом состоянии в течение длительного периода невозможно: любая культура может жить и развиваться только в движении, неизбежно соглашаясь при этом на утрату значительной части своих внешних и даже внутренних черт.

Какой из своих двух сторон обернется аккультурация для малочисленного коренного этноса, зависит от его внутренней активности и от его отношений с доминирующим обществом. В отличие от гипотезы Л.Н. Гумилева (1989), согласно которой развитие этноса вызывается внешними для него силами, мы, придерживаясь изложенной в первой главе методологии, считаем, что источник развития обладающего сознанием исторического субъекта не может лежать во внешней среде. При наличии этнического самосознания этнос способен сам эффективно влиять на свою будущую судьбу, что и проявляется на этапе формальной аккультурации.

Для иллюстрации этого приведем два примера. Это - судьбы двух американских коренных этносов, решавших одну и ту же проблему: как совместить поддержание системы традиционных ценностей, хозяйства и образа жизни с принудительной необходимостью включиться в современные экономические отношения доминирующего общества?

Первый пример - история аккультурации индейцев Шуара - покрытого лесами низменного района, расположенного на юго-востоке Эквадора.

Земли Шуара начали осваиваться белыми золотоискателями в 1930-е годы. В 1960-е годы в связи с началом правительственной программы осушения болот и аграрной колонизации (переселения крестьян из центральных районов страны) через земли индейцев была проведена автомагистраль.

Относительная многочисленность шуарцев (большинство этнических групп лесной Амазонии не превышает по численности 1000 человек) и их воинственный нрав создали здесь исключительно благоприятные условия для развития мощного индейского движения. Движение возглавили молодые миссионеры, которые, увидев драматические последствия колонизации, порвали со своей прежней деятельностью и создали в 1964 году Федерацию шуарских "центро". В ней приняло участие много молодых индейцев, получивших образование в интернатах. Она стала одной из крупнейших и наиболее активных организаций в индейском движении стран Латинской Америки.

Первой целью Федерации было добиться официального признания и юридического оформления прав шуарских индейцев на свои земли. Согласно эквадорскому законодательству, все не освоенные сельским хозяйством (целинные) земли считались собственностью государства. Формально и крестьяне-колонисты, и аборигены-индейцы имели равные права на получение земельного участка, но лишь при условии, что он будет не менее чем на 2/3 использован в сельскохозяйственном производстве.

Такой порядок совершенно не соответствовал традиционному образу жизни индейцев. Они жили своеобразными "деревнями", дома в которых располагались на расстоянии 1/2 - 3/4 часа ходьбы друг от друга. Жители деревни были связаны особой системой родства, но не имели постоянных структур управления; в случае необходимости выбирались только военные вожди. Хозяйство каждая семья вела порознь. Оно включало охоту, рыбную ловлю, сбор растений и выращивание корнеплодов. Последние выращивались в "садах", состоящих из множества растений и по структуре напоминавших тропический лес, площадью не более 3 га. Каждые 3-5 лет "сад" переносился на новое место. Через 6-10 лет после того как ресурсы дичи, а также растений, необходимых для постройки и ремонта дома и занятия ремеслом, в ближайших окрестностях истощались, семья переносила свой дом на новое место - иногда неподалеку, иногда на расстоянии одного дня пути.

Традиционное хозяйство шуарской семьи обладало полной экономической автономией и высокой продуктивностью - чтобы полностью обеспечить себя, достаточно было работать 4-5 часов в день. Оно обеспечивало людей полноценным и калорийным питанием, значительно лучшим, чем среднее хозяйство крестьян Эквадора и других латиноамериканских стран. Однако с точки зрения государственного земельного законодательства оно считалось неэффективным, а занятые им земли (за исключением небольших по площади "садов") рассматривались как целина. Сельскохозяйственная колонизация 1960-х годов вела к разрушению традиционной системы хозяйства и расселения, концентрации индейского населения в деревнях и внедрению экстенсивного скотоводства.

Усилия Федерации были направлены на то, чтобы предотвратить переход земель в индивидуальную собственность индейцев, за которым, как правило, следовала перепродажа ее колонистам. С этой целью она поддерживала образование "центро" - объединений кооперативного типа, охватывающих по 20-30 домов, расположенных в 1-2 часах ходьбы от административного центра. В последнем строились часовня, школа, дом переводчика и сооружалась взлетно-посадочная полоса. Для связи с "центро" Федерация организовала специальную авиаслужбу. "Центро" могли быть зарегистрированы как кооператив и получить таким образом официальные права на землю, но не на всю территорию охотничьих участков, а только на площади, занятые под выращивание корнеплодов.

Образование "центро" сначала привело к истощению охотничьих ресурсов, а затем и к подрыву ресурсной базы переложной системы выращивания корнеплодов, так как их нередко приходилось выращивать на одних и тех же площадях. Кроме того, охотничьи угодья шуарцев не получили официального статуса индейских земель и передавались колонистам под сельскохозяйственное освоение.

Выход из этой ситуации Федерация нашла в развитии "центро" экстенсивного скотоводства. Это давало ряд важных преимуществ: позволяло официально закрепить за индейцами значительные площади земель, пользоваться направленной на развитие скотоводства системой государственных кредитов, и в конечном счете получать значительную прибыль. Идея заключалась в том, чтобы дать индейцам возможность дополнительного заработка, позволяющего гармонично сочетать традиционное природопользование с рыночной экономикой.

Однако через 25-30 лет результат оказался противоположным тому, на что рассчитывала Федерация. Скотоводство сделалось доминирующей отраслью. Вопреки ожиданиям, оказалось, что отсутствие частной собственности на землю, когда в ней не было необходимости, не влечет за собой автоматически перехода к коллективизму. Когда земля оказалась в дефиците, между семьями стали возникать конфликты, а общественный скот рассматривался в основном как средство увеличить личное стадо. Только меньшая часть населения понимала, что лишь коллективные действия могут помочь решению стоящих перед шуарцами проблем. Большинство рассматривало Федерацию как благотворительную организацию, а не как инструмент для борьбы. Новая система хозяйства вызвала социальное расслоение и неравенство семей, сведение лесов, деградацию пастбищ и в конечном счете - разрушение всех условий жизни индейского сообщества. Индейцы превращаются в бедных скотоводов, экономическое положение которых значительно хуже, чем крестьян-колонистов.

Спасение культуры индейцев, которому Федерация уделила много усилий, получило сильную музеографическую тенденцию и привело к образованию некоторого подобия "культурного мемориала" для будущих поколений, но не к продолжению живых культурных традиций.

Однако хотя деятельность Федерации привела совсем не к тем результатам, которые предполагались, ее нельзя оценивать только отрицательно. Две важные задачи были решены. Во-первых, индейцы все-таки не превратились в наемных сельскохозяйственных рабочих и сохранили за собой земельные права. Во-вторых, прекратилась дискредитация традиционной культуры шуарцев, что все же помогло им выйти из состояния депрессии, почти неизбежного в процессе аккультурации. Новые усилия Федерации направлены на образование в индейских землях специальных резерватов, что должно оградить индейские земли от потока колонистов, уничтожить юридическую необходимость заниматься скотоводством и тем самым открыть возможности для построения системы хозяйства, более адекватной природной среде и культурным традициям индейцев.

Уроки деятельности "Федерации шуарских центров", пересказанные нами по материалам французского исследователя Филиппа Дескола (Descola, 1982), во многом напоминают то, что происходило и происходит в России. Правда, в отличие от России, где заботу об аккультурации коренных этносов полностью взяло на себя государство, в Эквадоре этим занималось достаточно мощное общественное движение, а государство фактически занимало антииндейскую позицию. Однако в обеих странах на стадии формальной аккультурации шла быстрая утрата традиционных ценностей коренных этносов, т.е. фольклоризация их культуры. Процессов культурного синтеза, ведущих к образованию неокультуры, в Шуаре не просматривается. Во всяком случае, они не нашли отражения в наблюдениях Филиппа Дескола.

Механизмы аккультурации в России и Эквадоре были очень близки: наиболее важную роль играла перестройка хозяйственной системы в соответствии с той моделью, которая удобна доминирующему обществу. И в том, и в другом случае эти преобразования проводились или под флагом помощи коренному населению, или с искренним желанием оказать эту помощь. В обеих странах наряду с отрицательными последствиями были и положительные. И там, и тут коренное население воспринимало эту помощь пассивно, как благотворительную акцию. Это последнее обстоятельство и было, видимо, решающей причиной неудач.

Другой пример заимствован нами из специального издания инуитской корпорации "Нана" (перевод этого издания любезно предоставлен нам Б.И. Вдовиным). Брошюра содержит тексты, которые президент региональной корпорации "Нана" Джон Шеффер подготовил для своих выступлений в национальных поселках своего народа - инуиак. Вот его основные тезисы:

В отношении бизнеса дела корпорации обстоят очень неплохо. Корпорация занимается как традиционными, так и нетрадиционными видами деятельности. Общий оборот, прибыль и дивиденды по акциям значительно выросли. Создаются новые рабочие места. Значительные средства затрачиваются на то, чтобы дать молодым эскимосам хорошее образование. Однако успехи в бизнесе не решают более важных проблем. Джон Шеффер называет три таких проблемы.

Первая. Корпорации не хватает квалифицированных специалистов. В настоящее время их требуется не менее ста. Однако только 2% учеников успешно заканчивают колледж и возвращаются на работу обратно. Выходит, чтобы получить 100 специалистов, нужно послать в колледж 5000 детей. Но такого количества детей в поселках просто нет, не говоря уже о затратах на обучение.

Вторая. Корпорация располагает примерно 500 рабочими местами. Из них только 150 мест занимают ее пайщики, а две трети заняты другими людьми - в основном белыми. Причем белые выполняют свои обязанности гораздо лучше, и если их уволить, корпорация просто не сможет эффективно работать. С учетом того, что численность коренного населения быстро растет, чтобы обеспечить его полную занятость, в ближайшие пять лет корпорация должна будет создать еще 1000 рабочих мест для своих пайщиков. Но это значит, что потребуется нанять на работу уже 3000 человек белых!

Третья. Одной из основных целей, ради которых создавалась корпорация, было получение земли. Земля - это составная часть народа инуиак. Инуиак никогда не смотрели на землю как на чью-то собственность. Но теперь они уже не только инуиак, но и американские граждане. И им необходимо воспользоваться системой собственности, принятой белыми, чтобы сохранить свою землю за собой. Сейчас земля принадлежит корпорации "Нана". Но дети инуиак, закончив колледж, начинают думать, как белые. А лозунг белых - все на продажу!

"Наша земля стоит миллиарды. Крупные корпорации не постоят за тем, чтобы заплатить за нее несколько миллионов, - говорит Джон Шеффер.- ... Мы растим наших детей затем, чтобы они нас потом продали ... И когда все деньги от продажи акций будут истрачены, когда все снегоходы, купленные на эти деньги, будут разбиты, а спиртные напитки выпиты, что же тогда останется?"

Несмотря на значительные успехи корпорации в бизнесе, в поселках инуиак самый высокий на Аляске уровень самоубийств, много несчастных случаев, продолжают расти алкоголизм и наркомания, развивается детский вандализм (приходится даже нанимать специальную охрану для защиты школьных зданий), разрушаются семьи. Корпорация организовала специальные убежища для жен, которых избивают их собственные мужья.

"Мы все больны. Мы больны как народ. Мы умираем как народ. Чего же нам не хватает?" - на этот вопрос Джон Шеффер дает ясный и определенный ответ. Инуиак не хватает общечеловеческих ценностей и собственных ценностей народа инуиак. На самом деле это одни и те же ценности. Народ инуиак не одинок со своими проблемами. Они существуют везде, и причины их возникновения везде те же самые. "Дело не в том, что во вне нас. Нечто отсутствует в наших душах, и никакие внешние меры нам не помогут. Мы должны изменить сами себя внутри".

Первая ценность народа инуиак - это его язык. Только он позволяет передавать ценности от поколения к поколению, потому что старикам тяжело сделать это на английском. Другая ценность - земля. Жители каждого поселка должны заниматься простыми вещами, которые никто не сможет сделать за них. "Бизнес - это занятие белых. Вот

почему мы поручили это дело полукровке. Мы же должны заниматься другими вещами, которые составляют смысл нашей жизни, делают людей счастливыми и заставляют их действовать”.

Речь Джона Шеффера свидетельствует о высоком уровне внутренней активности народа инуиак. Однако высокая оценка своего народа не сопровождается утверждением его исключительности. Он не противопоставляет ценности инуиак общечеловеческим, а напротив, подчеркивает общность его проблем с проблемами других народов. Коротко смысл выступления Джона перед членами корпорации можно выразить так: если его народ будет думать о духовных ценностях (вместе с другими народами), то материальные проблемы разрешатся сами собой, но если инуиак будут думать только о материальном, погибнут и материальные, и духовные ценности.

Такая постановка вопроса свидетельствует, что люди всерьез задумались о своем будущем и готовы многим пожертвовать, чтобы его обеспечить.

Мы видим, что, благодаря процессам аккультурации, этноценозы коренных народов становятся в современных условиях чрезвычайно динамичными и неустойчивыми системами. Это должно найти отражение в их типологии, которую удобнее всего делать как типологию этнохозяйственных ареалов.

Такая типология должна учитывать три фактора:

- родственные связи и культурную принадлежность этноса;
- характер его взаимодействия с кормящим ландшафтом;
- характер его взаимодействия с доминирующим обществом.

Первый из них находит отражение в этнографической классификации народов на основе историко-этнографических или историко-культурных областей; второй - в учении этнографов о хозяйственно-культурных типах (Левин, Чебоксаров, 1955, Андрианов, 1985, Итс, 1991 и др.) и в географических классификациях типов хозяйственной деятельности.

Среди последних наибольший интерес для нас представляет типология, разработанная Е.Е. Сыроечковским (1974), для оленеводческо-промыслового хозяйства Средней и Западной Сибири. В ее основу положены зональные черты хозяйственной деятельности (отражающие зональность ландшафтов), региональные особенности исторического развития хозяйства и другие природные и экономические местные условия. Каждому типу хозяйственной деятельности соответствует определенный тип расселения.

В нашем подходе принципиально новым является дополнительный учет третьего фактора - взаимодействия с доминирующим обществом. Для этого мы выделяем 5 последовательных стадий аккультурации коренных этносов:

- 1) политическая зависимость на первом этапе вхождения коренных народов в состав Российской Империи (внутренняя структура этноценоза и связей с кормящим ландшафтом сохраняются);
- 2) пространственное разделение за счет "вклинивания" поселений русских колонистов (начало территориального этноцида);
- 3) сближение типов хозяйства и образа жизни путем обмена опытом между колонистами и коренным этносом (интенсивная материальная аккультурация);
- 4) демографическая метизация путем образования смешанных браков, вызывающая интенсивный обмен ценностями и опытом между культурами (преобладает формальная аккультурация);
- 5) ассимиляция коренного этноса или образование неокультуры.

Критической для судьбы этноса является четвертая стадия. Образованию неокультуры могут способствовать благоприятные внешние условия. Это, во-первых, прочная основа в природопользовании ("корни в земле"). Во-вторых, соразмерность темпов демографической метизации с процессами обмена культурными ценностями. Наиболее благоприятного результата можно ожидать, если наряду с поселками, где идет интенсивная метизация, сохраняется и значительное "ядро" однонациональных семей, хранящих язык этноса и традиционный образ жизни.

Сохранение такого ядра требует условий относительной этнической изоляции, которая может быть следствием географической или социальной дистанции. Если такого ядра нет, межкультурные заимствования сделаются резко асимметричными и традиционная культура может быть просто "раздавлена" доминирующим обществом. (Конкретным примером является положение кетов в Туруханском районе Красноярского края, которому посвящен четвертый раздел)

Выделение стадий аккультурации позволяет провести систематизацию этнохозяйственных ареалов сразу по трем указанным выше факторам, отразив пространственно-временные закономерности их эволюции.

3. Проблемы эволюции и развития этнохозяйственных систем, основанных на оленеводстве и промысле дикого северного оленя (на примере Таймырского автономного округа)

3.1. Формирование и эволюция основных этнохозяйственных ареалов

В Таймырском автономном округе живут пять коренных народов, очень различных по своим связям с кормящим ландшафтом.

Это - **ненцы** создатели высокоспециализированной хозяйственной системы тундрового крупностадного оленеводства.

Нганасаны - в наибольшей степени из всех евразийских народов сохранившие дух древних охотников на диких оленей.

Долгане - самый "молодой" из северных народов, впитавший в традиционный хозяйственный комплекс опыт природопользования четырех соседних этносов.

Небольшая группа хантайских **эвенков** с хозяйственным укладом, типичным для северной тайги.

Энцы - один из самых малочисленных этносов в России. В настоящее время их осталось менее 200 человек. Они рассеяны среди ненецкого населения западной части округа, по образу жизни и природопользованию теперь практически не отличаются от него.

Исходя из истории формирования и современных особенностей природопользования, мы выделяем в пределах Таймырского округа четыре этнохозяйственных ареала первого порядка: ненецкий, нганасанский, долганский и эвенкийский. Их названия даны по имени одного из преобладающих на их территории коренных народов, традиционные черты природопользования которого в наибольшей степени определяют специфику современного хозяйственного комплекса.

Ненецкий этнохозяйственный ареал (на 1 января 1997 г. - 2,9 тысяч человек коренного населения, зарегистрированного в восьми сельских администрациях; преобладают ненцы - 82,5 %, и долгане - 9,5%) занимает западную (приенисейскую) часть округа. В его хозяйстве велика роль биологических ресурсов Енисея и связанных с ним водоемов и околородных ландшафтов. Ареал сформировался в прошлом веке, в результате экспансии с запада ненцев-оленоводоов, которые вытеснили из Таз-Енисейского междуречья энцев, а затем смешались с энцами и долганями на берегах Енисея.

В.И. Васильев (1970), руководствуясь данными Приполярной переписи 1926/27 гг., выделил здесь четыре этнотерриториальные группы коренного населения со смешанным национальным составом. Области их обитания можно рассматривать как этнохозяйственные ареалы второго порядка.

Две группы населения занимались в основном крупностадным оленеводством тундрового типа с длинными маршрутами кочевий. Они осваивали пастбища от берега моря до лесотундры, одна - по левому, а другая - по правому берегам Енисея.

Третья группа, как бы вклиниваясь между двумя первыми, тяготела к самому Енисею, к богатым рыбным и охотничьим угодьям его внутренней дельты. Оленеводство имело для нее меньшее значение.

Четвертая группа жила южнее, в лесотундре, занимаясь в основном рыболовством и пушным промыслом.

За прошедшие семьдесят лет система природопользования первой (левобережной) группы почти не изменилась. Этнохозяйственный ареал второй (правобережной) группы в результате преобразований в землепользовании стянулся к своей северной, тундровой части, причем оленеводство из хозяйственного комплекса выпало.

Центральная группа разделилась. Часть населения, связанная с оленеводством, переместилась на юг, в лесотундру, туда, где раньше располагались зимние пастбища домашних оленей. При этом изменилась система выпаса оленей: оленеводы отказались от дальних кочевок на север, в открытую тундру. Другая часть группы - рыбаки и охотники - осталась в районе внутренней дельты Енисея.

Этнохозяйственный ареал четвертой, лесотундровой, группы остался прежним, но в его хозяйственном комплексе увеличилась роль оленеводства.

Теперь в пределах ненецкого этнохозяйственного ареала также можно выделить несколько различных типов природопользования, с каждой из которых связана и определенная группа коренного населения:

1. Тундровое крупностадное оленеводство с длинными маршрутами кочевий. Семейные (бригадные) землепользования представляют собой "ленты" длиной в несколько сот километров. Образ жизни полностью кочевой (50-60 кочевых семей, около 300 человек).

2. Полукошачье хозяйство рыбаков-оленоводоов внутренней дельты реки Енисей. В нем занято около 500 человек (более 100 семей), которые на лето передают своих оленей родственникам из числа кочевых оленеводоов и занимаются рыболовством. Население живет на так называемых промысловых "точках", частично в домах, частично в балках и чумах, причем место проживания семьи в течение года может меняться.

3. Лесотундровое оленеводство с короткими (круговыми) маршрутами кочевий. Землепользования семей (точнее - небольших групп, состоящих из нескольких семей) занимают компактные участки. Оленеводство сочетается с охотой и рыболовством (80 кочевых семей, более 300 человек).

4. Рыболовно-охотничье промысловое хозяйство, связанное с рекой Енисей, его внутренней поймой и притоками. В основном в нем занято оседлое население приенисейских поселков. Небольшая часть семей живет в стороне от поселков на промысловых "точках", почти всегда в стационарном жилье. Хозяйство зависит в первую очередь от рыболовства, связи с ландшафтом определяются характером использования рыболовных и охотничьих угодий. Можно выделить несколько существенно различных типов хозяйства, последовательно сменяющих друг друга с севера на юг.

Нганасанский этнохозяйственный ареал (1,4 тысячи человек коренного населения, относящегося к двум сельским администрациям; преобладают долгане - 50%, и нганасаны - 49 %) - расположен в центральной части полуострова Таймыр. Хозяйство связано в основном с охотой на дикого северного оленя и использованием других биоресурсов богатых лесотундровых ландшафтов.

По данным этнографов (А.А. Попов, 1948, Б.И. Долгих, 1952 и др.), до появления на юге Таймыра долган нганасанские племена населяли лесотундру и южную тундру в пределах Северо-Сибирской низменности, где ежегодно проходили тысячные стада дикого северного оленя. Охота на этого зверя была основой их существования. Нганасаны делились на две основные группы: авамские (западные) и вадеевские (восточные). Позднее, когда их земли заняли долгане, нганасаны сдвинулись к северу в открытые тундровые ландшафты бассейнов реки Пясины и озера Таймыр. Там располагались летние пастбища диких оленей. Оленеводство у нганасанов до конца прошлого века почти не было развито. Однако ко времени проведения Приполярной переписи 1926/27 гг. они уже стали богатыми оленеводами и значительно превосходили в этом отношении своих ближайших соседей - долган (Попов, 1948 и др.).

По проекту первоначального землеустройства 1934/35 гг. нганасанские хозяйства получили земли на севере, в местах охоты на диких оленей. Фактически они выходили за пределы этой территории, отходя на зиму вместе с домашними оленями на юг, в земли, закрепленные за долганями.

В результате нескольких повторных землеустройств границы колхозов были изменены, хозяйства получили наделы в виде узких, вытянутых с севера на юг полос, в соответствии с маршрутами сезонных перемещений домашних оленей. При этом была изменена и специализация хозяйства, которое было переориентировано на домашнее оленеводство. Центры нганасанских колхозов были перенесены к основному водному пути сообщения - реке Хете, где располагались также и центры долганских колхозов.

Позднее, при проведении компании по укрупнению хозяйств, населенные пункты - центры бывших колхозов - сселялись вместе. В результате нганасаны и долгане сделались жителями смешанных по национальному составу относительно крупных поселков. Однако несмотря на это браки между представителями двух этносов до последнего времени были редки.

В настоящее время потомки авамских нганасанов (почти 700 человек) оказались сосредоточены в двух поселках (Усть-Авам и Волочанка), где живет примерно такое же количество долган. Остатки вадеевских нганасанов (около 70 человек) живут в долганском поселке Новая Хатангского района. Численность вадеевских нганасанов сокращается, причем многие из них переезжают в Волочанку (Грачева, 1993).

На протяжении последних десятилетий система природопользования нганасанов радикально менялась. В процессе коллективизации и последующего колхозного периода роль домашнего оленеводства росла, а значение промысла диких оленей уменьшалось. В конце 1960-х годов, после восстановления численности таймырской популяции дикого северного оленя, произошел стремительный крах нганасанского оленеводства. В 1988 году жители Усть-Авама забили последних 15 оленей. Только у одной нганасанской семьи, кочевавшей в районе озера Лабаз (администрация поселка Новая), в 1993 году еще оставалось несколько десятков оленей. Потеря оленеводства отрицательно отразилась на жизнеспособности нганасанского этноса, привязав наиболее активную его часть к жизни в поселке. Лишь несколько семей, даже оставшись без оленей, еще продолжают жить в тундре на промысловых точках в верховьях Дудыпты.

Долганский этнохозяйственный ареал (3,8 тысяч человек коренного населения, из них 97% долган, в девяти сельских администрациях) охватывает обширную территорию в восточной части округа. В целом хозяйство тяготеет к долине Хеты-Хатанги и рек, впадающих в южную часть Хатангского залива (Попигаи, Большая Балахня), т.е. опять-таки к полуоткрытым лесотундровым ландшафтам.

Долганский этнос сформировался недавно. Его ядром стало несколько "объяденных" родовых групп эвенков, которые переселились на южный Таймыр, главным образом в течение XVIII века, смешавшись с жившими здесь вдоль Хатангского тракта русскими (так называемыми затундренными) крестьянами и, отчасти, с энцами. Долганское природопользование впитало в себя навыки всех упомянутых этносов и включало рыболовство, оленеводство, охоту на диких оленей и пастевой промысел песка. В их оленеводстве также объединились традиции разных народов, а идея знаменитого долганского балка (нартыного чума) была заимствована у русских купцов (Долгих, 1963, и др.).

В 1930-х годах в лесотундре южного Таймыра - по рекам Попигаю, Хатанге, Хете, Аваму, Пясине и Енисею - возникли долганские колхозы. Основной денежный доход они получали от пушного охотничьего промысла. В послевоенные годы положение изменилось, и на первое место в хозяйственном комплексе вышло оленеводство: сначала транспортное (доходы от аренды оленьих упряжек различными экспедициями), а позднее, в 1960-е годы - товарное мясное.

Рост поголовья домашних оленей по всему этнохозяйственному ареалу продолжался до середины 1960-х годов. Но уже со второй половины 1970-х годов долганское оленеводство начало быстро терять поголовье. В настоящее время в западной и центральной частях этнохозяйственного ареала домашних оленей практически не осталось, а в его северо-восточной части (территории совхозов "Новорыбинский", "Арктический", "Попигаевский") их поголовье значительно уменьшилось.

На территории долганского этнохозяйственного ареала сейчас выделяются следующие основные типы традиционного природопользования:

1. Преимущественно тундровое кочевое оленеводство в сочетании с промыслом песка и рыболовством. Маршруты кочевий относительно короткие, часто близкие к круговым, стада небольшие, весь годовой цикл природопользования осуществляется преимущественно в южной тундре и лесотундре, вблизи крупных водоемов (бассейны рек Большая и Малая Балахня, нижнего течения Попигаи, а также территория от южного побережья Хатангского залива до реки Попигаи).

2. Преимущественно лесотундровое кочевое оленеводческое хозяйство с большой ролью промысла дикого северного оленя в бассейне среднего течения реки Попигаи. В экономическом отношении эта территория тяготеет к Республике Саха (Якутии), с которой долгане установили коммерческие связи.

3. Охотничье-рыболовное хозяйство многочисленных промысловых "точек", расположенных по берегам рек и тундровых озер. Этот тип охватывает широкую полосу тундры и лесотундры от Хеты-Хатанги на юге до линии Тарей-Верхняя Таймыра - озеро Таймыр на севере (переходя из долганского в нганасанский этнохозяйственный ареал). На многих точках долганские семьи живут круглый год, находясь в такой же изоляции от поселков, что и кочевые оленеводы. Часть точек занимают и некоренные охотники, но, как правило, только на промысловый сезон.

4. Охотничье-рыболовное хозяйство, связанное с реками Хета и Хатанга. Им заняты оседлые долгане и некоренное население всех расположенных вдоль этих рек населенных пунктов. На участке по реке Хатанге большее значение имеет рыболовство, а по Хете - охота на дикого северного оленя. По договоренности между совхозами часть неводных тоней и отстрельных точек использовались совместно, так что жители верхних поселков имели возможность ловить рыбу в низовьях Хатанги, а взамен пускали на свою территорию других охотников снизу.

Эвенкийский этнохозяйственный ареал (470 человек коренного населения, 51,5% долган, 46,5 % эвенков), небольшой по площади, занимает бассейн озера Хантайское.

По данным этнографов (Туголуков, 1963), эвенки заняли это место в середине прошлого века. До коллективизации они представляли собой весьма замкнутую кочевую группу, основную роль в жизнеобеспечении которой играло рыболовство, а единственным источником денежного дохода был пушной промысел. Отличительной особенностью было относительно сильно развитое оленеводство. После организации колхоза поголовье оленей в несколько раз увеличилось. Приобрело товарный характер рыболовство, росту которого благоприятствовало богатое рыбой Хантайское озеро. Слабым местом в экономике был вывоз рыбы, который осуществлялся исключительно авиацией.

В конце 1960-х годов к эвенкам на Хантайское озеро был переселен долганский колхоз из располагавшегося в верховьях реки Хеты поселка Камень. За прошедшие годы численность долганской части населения росла быстрее, чем эвенкийской, и сейчас долгане в поселке уже преобладают. При этом эвенки заняты в основном оленеводством, а долгане - рыболовством и работами в поселке. Кроме коренного населения, в рыболовстве и пушной охоте (особенно на дальних участках) участвует много новопоселенцев.

Появившееся после строительства Хантайской ГЭС водохранилище является богатым источником малоценной (частиковой) рыбы. Последние годы вывоз такой рыбы авиацией стал нерентабельным, поэтому между совхозом и расположенным около ГЭС городом Снежногорском возникли коммерческие связи.

Система природопользования включает:

- оленеводческое хозяйство эвенков;
- промысловые участки по берегам горных рек и небольших озер (промысел соболя и ценной рыбы в основном новопоселенцами);
- рыболовецкие промысловые точки по берегам озера Хантайского и реки Хантайки, занятые долганями и отчасти эвенками (лов ценной рыбы);
- рыболовецкие точки по берегам Хантайского водохранилища, занятые, большей частью, некоренным населением (лов малоценной рыбы для зверофермы и жителей города Снежногорска).

3.2. Основные тенденции в традиционном природопользовании

Проведенные нами в Таймырском автономном округе исследования позволили проследить изменения и проанализировать проблемные ситуации в отдельных отраслях традиционного природопользования во всех четырех рассмотренных выше этнохозяйственных ареалах. Ниже мы остановимся на наиболее интересных и важных проблемах, связанных с уникальной по своему размеру таймырской популяцией дикого северного оленя, которая имеет огромное значение в жизни коренных народов округа.

Возрождение промысла дикого северного оленя

Приведем вначале основные сведения о самой популяции дикого северного оленя Таймыра. В прошлом она могла насчитывать около полумиллиона животных, но затем в период начавшегося развития домашнего оленеводства ее численность сократилась (Сыроечковский, 1986 и др., Карелов, Драган, 1983). Позднее (возможно, потому, что основные охотники на дикого оленя - нганасаны - были сконцентрированы на юге полуострова) численность диких оленей снова начала увеличиваться. Первый авиаучет, проведенный на Таймыре в 1959 году, позволил ориентировочно определить ее в 110-120 тысяч голов. Уже к 1966 году популяция увеличилась примерно в два раза (до 252 тысяч), а к 1975 году - до 449 тысяч, после чего ее рост замедлился. В 1988 году в ней было учтено 680 тысяч оленей. В последние годы численность, по-видимому, держится на уровне около 600 тысяч.

В течение 25 лет промысел диких оленей играл определяющую роль в экономике промыслово-олeneводческого хозяйства Таймыра. Максимальное промысловое изъятие из популяции даже по официальным данным превышало 100 тысяч оленей в год. Его резкое снижение в последние годы вызвано исключительно экономическими причинами.

В пределах самого Таймырского полуострова олени проводят теплое время года. Их зимовки охватывают обширные площади, главным образом, на севере Эвенкии и северо-западе Якутии; часть оленей уходит зимовать на левый берег Енисея. Характер использования территорий и пути миграций оленей часто меняются, что позволило Е.Е. Сыроечковскому (1986) сделать вывод о закономерных "маятниковых колебаниях" и "калейдоскопическом" эффекте как основе жизнедеятельности крупных мигрирующих популяций северного оленя. Имеющиеся литературные материалы позволяют проследить такие изменения на Таймыре с 1930-х годов.

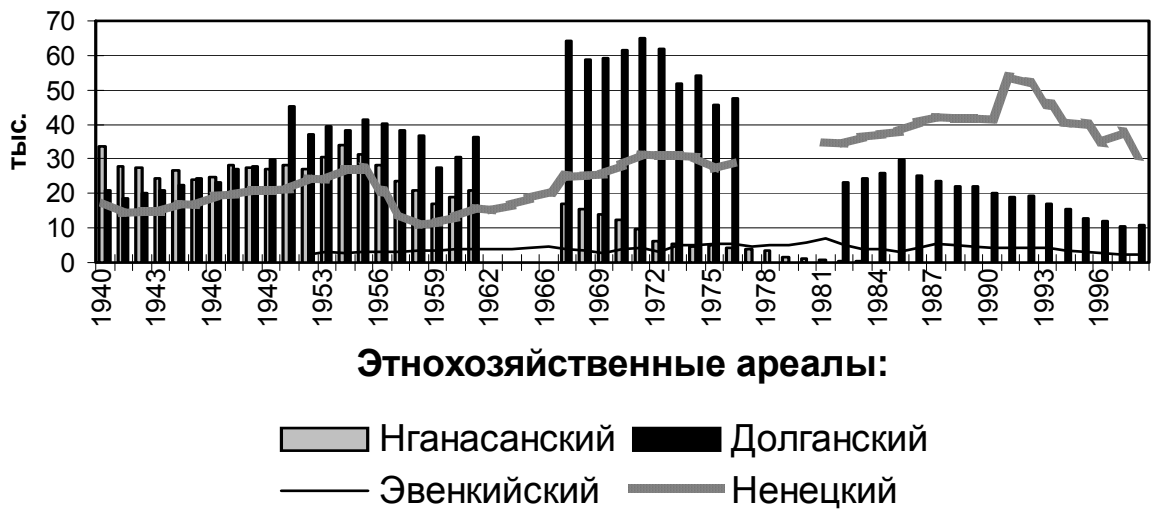
В последние десятилетия мониторинг популяции осуществлялся НИИСХ Крайнего Севера в Норильске, главным образом путем авианаблюдений (Колпашиков, 1982, 1983, и др.). В настоящее время он почти прекратился из-за отсутствия у института средств. В 1960-1980-е годы основные летние скопления диких оленей наблюдались на Западном Таймыре, в нижнем течении Пясины, Пуры, по побережью Енисейского залива, водоразделу между Пясиной и Енисеем. В конце 1980-х годов распределение и пути миграций радикально изменились. Число оленей на западном Таймыре резко снизилось. Основная часть популяции переместилась на центральный Таймыр. Соответственно изменились - сдвинулись к востоку - и основные зимовки.

С точки зрения хозяйственного использования наиболее важны изменения в осенних миграциях, на которых производится основной отстрел. В 1960-1980-е годы олени шли на зимовки двумя основными потоками. Западный, более мощный, проходил между озером Пясино и поселком Волочанка (бассейны рек Черная, Кыстыктах, Авам). В конце 1970-х годов здесь мигрировало около 300 тысяч животных. Восточный поток - между поселками Волочанка и Хатанга - был значительно слабее. На рубеже 1980-х и 1990-х годов соотношение между потоками поменялось на обратное. Как будет видно из дальнейшего, эти изменения существенным образом отражались на состоянии традиционного хозяйства нганасанов и долган.

Со времени своего образования таймырские колхозы, а затем и совхозы, были ориентированы на развитие товарного оленеводства. Промыслом диких оленей коренное население занималось самостоятельно. Он носил не товарный, а потребительский характер. После восстановления численности диких оленей положение изменилось. В 1971 году на западном Таймыре на базе нганасанского поселка Усть-Авам, но с центром в Норильске, создается Таймырский госпромхоз - специализированное на промысле диких оленей предприятие. Он быстро разворачивает их массовый отстрел, главным образом во время осенней миграции через реку Пясино. Немного позднее, с 1978 года, к промыслу активно

подключаются и совхозы. Однако до конца 1980-х годов, пока основная масса оленей уходила на зимовки западным миграционным путем, лидирующее положение в промысле занимал госпромхоз.

Рис. 1. Динамика поголовья домашних оленей в основных этнохозяйственных ареалах Таймырского АО

Основным и наиболее экономически эффективным способом добычи диких таймырских оленей был отстрел на переправах через крупные реки во время осенней миграции. Метод этот является своеобразным повторением традиционного нганасанского способа, когда охотники на легких лодках настигали и закалывали копьями плывущих оленей. Однако применение огнестрельного оружия и технических средств совершенно изменило характер охоты. Теперь на берегу реки ставится теплое укрытие, в котором охотники могут достаточно удобно расположиться в ожидании мигрирующих оленей. Олени подходят, как правило, небольшими группами и, не замечая никакой опасности, спокойно доплывают до середины реки. В этот момент охотники бегом спускаются к лодкам, заводят моторы и пускаются наперерез животным, отсекая их от ближайшего берега и заставляя кружиться на месте. Приблизившись к плывущим зверям на несколько метров, стреляют их из охотничьих ружей крупной дробью в шею или забивают палками по голове. Убитых зверей связывают в "плоты" по несколько штук и буксируют к месту разделки, которое представляет небольшой завод по первичной обработке туш убитых оленей.

На каждой отстрельной "точке" могут жить и работать от 10-15 до 30-40 человек, добывающих и обрабатывающих несколько тысяч оленей за сезон, при пропускной способности 100-200 и даже более животных в сутки. В 1980-х - начале 1990-х годов действовало несколько десятков таких точек различной мощности. В настоящее время почти все они законсервированы, так как после повышения авиатарифов вывоз мяса сделался нерентабельным.

Точки расположены главным образом вдоль рек Пясины, Дудыпта и Хета и перекрывают основные миграционные пути оленей осенью. Наиболее богатые и хорошо оборудованные точки были устроены в западной части полуострова, в угодьях Таймырского госпромпхоза, где охотились бригады, ядро которых составляли находившиеся в отпуске горожане, прежде всего работники Норильского комбината.

В состав бригады включалось также определенное количество охотников из местного, коренного населения. В целом по округу они составляли не более 20 процентов охотников. Однако распределение было неравномерно: больше на востоке, в Хатангском районе (30 процентов) и в совхозе "Волочанский" (44 процента). На западе, ближе в Норильску, их было совсем немного: 12 процентов. Во многих случаях коренные жители выполняли лишь вспомогательные работы, которые хуже оплачивались.

С наступлением холодов, когда отстрел на переправах заканчивался, горожане уезжали, а местные продолжали промысел оленя на суше. Добыча на зимнем промысле зависела от территориального распределения оленей. На восточном Таймыре она бывала весьма значительна (около 20 процентов их годовой добычи).

По сводкам Таймырского агропромышленного объединения, в 1989-1990 годы в промысле дикого оленя участвовало более 1 тысячи человек. 80 процентов из них приходилось на западный миграционный путь. Они давали две трети продукции отстрела по округу. Оставшиеся 20 процентов охотников и одна треть продукции приходились на совхозы Хатангского района.

Происшедшее в начале 1990-х годов перемещение миграционного потока оленей на восток изменило это соотношение. Если с 1977 по 1988 годы госпромпхоз "Таймырский" ежегодно отстреливал по 40-50 тысяч диких оленей, то в 1989 году - только 25 тысяч, в 1990-м - 10,7 тысяч, а в 1991 - 7,6 тысяч. В Хатангском районе добыча наоборот несколько возросла.

В последние годы возросшие цены на вертолеты и трудности со сбытом продукции сделали товарный промысел оленей невыгодным, и он практически прекратился. Стрелять их в западной части Таймыра продолжают лишь 2-3 бригады, имеющие связи с коммерческими фирмами, причем в очень ограниченных масштабах. Продолжают охотиться и местные жители, но сбыть мясо удастся далеко не всегда (в основном заезжим коммерсантам). Нередко охотники долго хранят его в леднике в надежде продать, а затем просто выбрасывают.

В 1990-е годы на Таймыре начался новый вид охоты на дикого оленя: весной - для добычи пантов. На него выдается небольшое число разрешений, но фактически убивается и пропадает гораздо больше животных. Применялась также обрезка рогов у плывущих оленей, значительная часть которых после этого гибнет. Масштабы вреда, который наносит такая охота, оценить трудно. Не говоря уже об этических соображениях, такой промысел может сильно нарушить структуру популяции за счет гибели взрослых быков.

Противоречие между домашним оленеводством и дикими оленями

Проблема возникла в середине 1960-х годов, когда численность таймырской популяции дикого северного оленя после длительной депрессии резко пошла вверх. Суть ее заключается в невозможности вести крупностадное товарное оленеводство в районах, через которые проходят во время миграций большие стада диких оленей.

Детальный анализ проблемы выполнен академиком Е.Е. Сыроечковским (1975, 1986). Его основные выводы, впервые сформулированные на совещании в городе Дудинке в 1970 году, можно резюмировать так:

а) при разумном подходе использование крупных популяций дикого оленя - промысловое оленеводство - как с экологической, так и с экономической точек зрения более эффективно, чем домашнее оленеводство;

б) между рациональным промыслом крупных популяций дикого оленя и домашним оленеводством нет непримиримых противоречий.

За прошедшую четверть века опыт промыслового оленеводства Таймыра полностью подтвердил первый вывод. Второй требует дополнительных разъяснений, так как практика показала, что во всех совхозах округа, где начинались интенсивные миграции дикого оленя, оленеводство быстро сокращалось или вообще исчезало.

Прежде всего напомним, что второй вывод не касался интенсивного крупностадного оленеводства ненецкого типа, при котором вся пастбищная территория занята домашними оленями. Речь шла конкретно о совместимости рационального использования многосотысячной популяции "дикаря" с исторически сложившимся на юге Таймыра нганасанским и долганским оленеводством. Исторический опыт свидетельствует "за" такую совместимость, поскольку оленеводство обоих народов как раз и сформировалось в непосредственной близости от "дикой" популяции таймырских оленей. При этом нганасаны, которые по сравнению с долганами значительно больше занимались охотой на диких оленей, имели и более крупные стада домашних. Охота на "дикаря" способствовала росту домашних стад, так как давала возможность не забивать оленей на еду. По словам бывших оленеводов поселка Усть-Авам, появление крупных стад диких оленей значительно затрудняло выпас домашних стад, но все же не делало его невозможным. Поголовье оленей сокращалось из-за недостаточного внимания к развитию отрасли, а последние олени были забиты из-за болезней. Несмотря на то, что значительная часть пастбищ повреждена дикими оленями, кормовых ресурсов для содержания небольших домашних стад достаточно и сейчас. Учитывая все это, мы склоняемся к выводу, что основной причиной исчезновения нганасанского оленеводства являются все же социально-экономические факторы, связанные с большим коммерческим эффектом от промысла диких оленей.

Пока оленеводство было частным, размер стада являлся показателем социального статуса его хозяина. Данные этнографов (Попов, 1948 и др.) говорят о том, что нганасаны чрезвычайно бережно относились к своим стадам и постоянно заботились об увеличении поголовья. После коллективизации и особенно после того, как стада перешли в собственность совхозов, экономическая стратегия стала определяться из центра. Примерно до конца 1960-х годов в округе сохранялась ориентация на развитие крупностадного товарного оленеводства. Когда численность "дикаря" возросла, и домашние стада начали нести большие потери, забила тревогу. Предлагались крайние меры, вплоть до специального уничтожения диких оленей как "вредителей". Однако с начала 1970-х годов была принята новая стратегия, отдававшая приоритет промыслу диких оленей.

После того, как закупочные цены на мясо диких оленей были повышены до уровня цен на мясо домашних, вступил в действие мощный экономический фактор. Государственным предприятиям, начавшим массовый отстрел диких оленей, выгоднее было сконцентрировать все усилия на этом направлении, чем поддерживать оказавшееся в трудном положении домашнее оленеводство. Более того, возврат от крупностадного оленеводства к мелким стадам в рамках совхозного хозяйства был вообще невозможен и не имел экономического смысла. Теперь положение изменилось, но нганасанское оленеводство уже утеряно, а ареал долганского сократился более чем в два раза.

Другая важная сторона этой проблемы заключается в разных ролях, которые играют домашнее оленеводство и промысел диких оленей для сохранения малочисленных этнических групп коренного населения. Здесь приоритет остается за домашним оленеводством, причем экономическая эффективность имеет в этом вопросе второстепенное значение.

Оленеводство сейчас - единственная отрасль традиционного природопользования, в которой заняты только народы Севера. В нем и практически только в нем коренное население не встречает конкуренции со стороны новопоселенцев. В рыболовстве и охотничьем промысле эта конкуренция достаточно сильна и возрастает по мере увеличения эффективности промысла. Опыт организации массового отстрела дикого северного оленя на переправах еще раз подтвердил это. Переход от домашнего оленеводства к промыслу "дикаря" оказался для нганасанов вовсе не возвращением к более традиционной форме жизнедеятельности, как это можно было бы предположить, исходя из их этнической истории. Напротив, они сделали участниками новой "индустриальной" по своей сути формы использования ресурсов дикой природы. Вдобавок, они потеряли роль организаторов хозяйственной деятельности, которую имели в оленеводстве, поскольку на отстрельных точках весь производственный процесс находился в руках приезжавшей из города бригады.

Сейчас, когда "индустриальный" промысел почти прекратился, на оленей охотятся в основном местные охотники. Однако и в новых условиях они остаются в экономической зависимости, так как контролировать ситуацию может лишь тот, кто организует вывоз и сбыт продукции.

Здесь, как и в ряде других случаев, мы сталкиваемся с парадоксальным явлением, когда рост эффективности одной из отраслей традиционного хозяйства приводит к тому, что она переходит в руки некоренного населения. Получается так, что коренные народы Севера могут вести свое хозяйство самостоятельно лишь до тех пор, пока оно не

приносит значительной прибыли. Как только появляется возможность "сделать деньги", приезжают предприимчивые люди, вытесняющие коренных жителей, которые не имеют возможности эффективно защитить свои права.

Дальше мы увидим, что эта тенденция проявляется не только на Таймыре, но и в других местах. Если не будет создано адекватного правового механизма, то с переходом к рыночной экономике она еще более усилится.

Промышленное загрязнение оленьих пастбищ Норильским горнометаллургическим комбинатом

Эта проблема касается пока главным образом эвенкийского оленеводства в бассейне Хантайского озера. По данным специального обследования, проведенного таймырской партией Ангарской землеустроительной экспедиции, зона наибольшего загрязнения вытянута на юго-восток от Норильского промышленного узла. Страдают от него прежде всего пастбища совхоза "Хантайский". Площади растительных сообществ с ягельным покровом сократились на них на 18 процентов. Кроме того, на расстоянии до 175-190 километров от комбината (до северного берега Хантайского озера) распространяются обширные зоны превышения предельно допустимых уровней содержания тяжелых металлов в кормовых растениях и мясе северных оленей. Анализ использования пастбищ на территории совхоза показывает, что смена районов выпаса происходила здесь примерно раз в десять лет. В настоящее время стада находятся к юго-западу от озера, до этого использовались пастбища к востоку и юго-востоку от него, еще раньше, в 1970-е годы - к северу от озера и т.д. Вынужденное прекращение выпаса на северной стороне озера делает невозможным продолжение этого многолетнего пастбищеоборота.

Сохранение кочевого образа жизни и переход на оседлость

Для анализа этой проблемы в ненецком этнохозяйственном ареале на территории носковской и месояхинской сельских администраций (бывшие совхозы "Заря Таймыра" и "Тухард") были проведены этнодемографический анализ состава семей и сравнительное изучение системы природопользования и образа жизни трех групп коренного населения: кочевых оленеводов, полукочевых рыбаков-олeneводоов и оседлого коренного населения (Клоков, 1996).

Результаты этнодемографического анализа (по данным похозяйственных книг за 1991-1995 годы) показали, что у кочевых оленеводов семьи самые крупные. Дети до 16 лет составляют почти половину всего населения. Среди семей преобладают полные, в которых дети могут получить полноценное воспитание. У оседлых ненцев положение иное. Детей также много - более 40 процентов всей численности населения, но почти половина из них живет в неполных семьях: без отца или без матери. Среднее число детей на одну семью в 1,8 раза меньше, чем у кочевников. Много одиноких мужчин и женщин.

Коэффициент рождаемости у коренного населения в поселках более чем 1,5 раза ниже, а смертность почти в два раза выше, чем в семьях оленеводов-кочевников. Соответственно, более чем в 3,5 раза различается и естественный прирост населения. Полукочевое население занимает промежуточное положение.

В социальном плане (данные по носковской сельской администрации, 1995 год) среди ненецкого населения наиболее высокий статус имеют кочевые оленеводы, владеющие наибольшим числом личных оленей. По опросным сведениям пять-шесть наиболее богатых оленеводов имеют по 300-500 оленей, а самое большое частное стадо превышает 1 тысячу голов. По официальным данным население носковской администрации имеет почти 14 тысяч личных оленей (против 5-6 тысяч совхозных), из них более 10 тысяч принадлежат владельцам, имеющим более чем по сто голов.

Как правило, богатые оленеводы в совхозе не работают и живут в основном в глубине тундры. Те, у кого мало оленей, подходят ближе к Енисею, так как им не прожить без дополнительного заработка на рыбном промысле. Они и составляют население многочисленных промысловых "точек" внутренней дельты Енисея (которое мы условно обозначаем как "полукочевое"). Однако здесь они попадают в порочный круг. Чтобы продать рыбу, надо ехать в поселок, а в поселке начинается пьянство. От этого много молодежи гибнет, даже в прямом смысле этого слова (тонут, замерзают). Многие совершают преступления и попадают в тюрьму. В тундре такие случаи не характерны.

Вообще тундра и поселок рассматриваются как два противоположных полюса местной жизни: тундра - как положительный, поселок - как отрицательный. Поселок несет в себе гибель, главным образом, по причине алкоголя. "Путевый рыбак приезжает в поселок один-два раза в месяц и пьет не больше, чем по два-три дня; непутевый ездит туда почти каждый день". Оленевод, задержавшийся в поселке дольше, чем на два-три дня, рискует потерять упряжных оленей, которые без корма слабеют и легко становятся жертвой поселковых собак. "Олени полуживые стоят, все уже, кровь течет, а они еще балдеют. А, ничего, - говорят, - пусть собаки едят." На нашу просьбу оценить такое поведение с точки зрения традиционных представлений ненцев о добре и зле, нам ответили: "...теперь греха нет, наверное, что хочешь, то и делай... Шаманы пропали, и греха нет".

Молодежи поселок наносит вред еще и тем, что отучает ее от жизни в тундре. Девушки, выросшие в поселке, в тундру уже не едут. Но те, кто вырос в тундре, остаются там. Из детей оленеводов, закончивших расположенный в Носке интернат, примерно половина возвращается в тундру, а половина остается в поселке. В последние годы детей уже не забирают в интернат силой, поэтому многие остаются с родителями в тундре и учатся грамоте у них.

Как показали данные опроса кочевых оленеводов тухардской лесотундры (месояхинская администрация), они нередко имеют родственников в Дудинке и Красноярске, куда уезжают учиться их многочисленные дети. Деление на бедные и богатые оленьими семьями, которое раньше маскировалось, теперь признается нормальным жизненным фактом. Обычными стали и торговые связи оленеводов с коммерсантами, осуществляемые в значительной мере через пилотов вертолетов. Роль таких связей за последние годы сильно возросла, так как снабжение необходимым снаряжением и другими товарами через совхозы, ровно как и централизованная заготовка мяса, пушнины и рыбы, теперь почти прекратились. Кочевой образ жизни уже не означает полной изоляции от окружающего мира.

Как интересный факт отметим появление в последние три-четыре года в приенисейских тундрах оленеводов из Тазовского района Ямало-Ненецкого округа. Они стали приходить сюда со стадами из-за недостатка пастбищ на западе. В

глазах тухардских оленеводов это своего рода "новые ненцы": "У них большие стада по три тысячи оленей. Живут богаче, чем мы, одеваются красиво. У них все импортное. Дрова пилят японской мотопилой. Есть у них мини-электростанции, "Бураны" и снегоходы-иномарки". Большинству таймырских оленеводов приобрести новый "Буран" сейчас не по карману.

В итоге проведенные исследования позволили сделать следующие выводы (Клоков, 1996). По характеру взаимодействия с доминирующим обществом этнохозяйственный ареал енисейских ненцев-олeneводоов находится в третьей стадии аккультурации. Доминирующее общество (в настоящее время - неосознанно) ощущает хозяйственный комплекс ненцев как некоторое инородное тело и стремится его трансформировать, сделать похожим на те формы хозяйства, которые для него привычны и приемлемы. До начала периода реформ эти усилия были направлены на то, чтобы поднять его производительность как поставщика мясного и рыбного сырья. Теперь направление изменилось, и новая экономическая система пытается сделать оленеводческое хозяйство максимально товарным и открытым для коммерческих связей. Делается это не только и не столько административными органами, действия которых можно, в какой-то мере, считать осознано целенаправленными, но практически всеми представителями некоренного населения, которые в той или иной степени контактируют с оленеводами: директорами совхозов, пилотами вертолетов, жителями местных поселков, вахтовиками газпрома и др. Действуя исходя из своих сегодняшних интересов, они, как правило, не ставят своей целью вносить в этноценозы коренных народов какие-либо перемены. Однако экономические механизмы доминирующего общества вызывают такие изменения независимо от субъективных целей и мнений. В целом традиционное хозяйство северных народов последние десятилетия находится под жестким контролем доминирующего общества.

В ответ на это давление общества кочевые оленеводы могут выбрать одну из трех возможных стратегий:

- изоляция от доминирующего общества (уход от адаптации);
- соотрудничество с доминирующим обществом (пассивная адаптация);
- попытка тем или иным способом изменить среду взаимодействия с доминирующим обществом (активная адаптация).

Первый путь выбрали семьи так называемых частников, сводившие до минимума свою зависимость от совхозов. Ярким примером может быть группа из нескольких десятков семей оленеводов, кочевавших в восточной части Ненецкого автономного округа. Эта группа не входила ни в один из колхозов и совхозов округа и не была зарегистрирована ни в одном из его сельских советов. Дети не посещали школы, а юноши не служили в армии. Лишь в конце 1980-х годов группа стала понемногу "выходить из подполья". Сейчас она зарегистрирована в администрации пос. Амдерма. Сведения о ее хозяйственной деятельности в окружном статуправлении отсутствуют. В Таймырском округе мы не слышали о чем-либо подобном, однако и здесь семьи богатых оленеводов ведут замкнутый образ жизни, и при обычных беседах с местными жителями информация о них не сообщается.

Пассивная адаптация явно представляет собой основную форму ответа оленеводов на давление со стороны доминирующего общества. Эта консервативная стратегия, состоящая, по существу, в попытке сохранять прежний образ жизни и формы ведения хозяйства до тех пор, пока это возможно. Когда возможности иссякают, кочевой оленевод переселяется в поселок. В некоторых случаях оказывается возможным промежуточное решение (рыбаки-олeneводоы в носковской тундре).

Активная адаптация - это, по-видимому, единственный путь, с помощью которого может сохраниться кочевое оленеводческое население. К сожалению, на западном Таймыре мы почти не сталкивались с людьми, поведение которых можно было бы расценить как активную адаптацию. Имеют место лишь отдельные элементы этой стратегии, которые выражаются в попытках оленеводов или их родственников, живущих в поселке, самостоятельно установить торговые связи для сбыта продукции. Появление в тухардской тундре так называемых фермерских хозяйств, как было показано выше, является лишь пассивным ответом оленеводов на преобразовательскую деятельность дирекции совхоза (вторая стратегия). При этом, по словам местного населения, оленеводы являются наиболее дружной частью ненецкого населения и скорее готовы постоять друг за друга, чем, например, рыбаки.

Все сказанное выше наводит на достаточно грустные мысли относительно перспектив выживания кочевого оленеводства в будущем. Для его устойчивого развития необходимо усиление положительных аспектов аккультурации - встречного процесса интеграции культур доминирующего и традиционного общества.

Условия для этого могут образоваться с появлением среди ненцев некоторого промежуточного социального слоя, заинтересованного в сохранении кочевого оленеводства и, вместе с тем, интегрированного в доминирующее общество. Поскольку объективная заинтересованность имеет чаще всего материальную основу, это должны быть люди, имеющие материальную выгоду от кочевого оленеводства (т.е. занятые его эксплуатацией). С другой стороны, для оленеводов они должны быть "своими", т.е. людьми, система ценностей которых близка кочевому населению. Культурная дистанция между ними и оленеводами должна быть значительно меньше, чем между оленеводами и доминирующим обществом. Такими людьми могли бы стать, к примеру, богатые родственники кочевых семей, которые имеют в своей собственности стада оленей, но сами их не пасут, а заняты менеджерской и коммерческой деятельностью. Ими могли бы стать также влиятельные члены общин, если бы общины оленеводов в России успешно сформировались. Отметим, что появление такого слоя будет противоречить кажущемуся совершенно очевидным для нас принципу "олени должны принадлежать тому, кто их пасет" (по аналогии - "землю тому, кто ее обрабатывает"). Однако без этого трудно представить, чтобы в процессе взаимодействия с доминирующим обществом могла возникнуть неокультура на традиционной основе.

4. Кризисные процессы в этнохозяйственных системах Туруханского таежного Севера

В отличие от Таймыра, где многие группы коренного населения еще находятся в относительной этнической изоляции, малочисленные народы Туруханского Севера живут в основном в иноэтнической среде, по хозяйству и образу жизни мало отличаясь от русского большинства. Из трех коренных народов этого региона - кетов, селькупов и эвенков - наибольшее внимание в исследованиях мы уделяли кетам.

Кеты - один из самых малочисленных и своеобразных северных народов России, будущее которого вызывает очень серьезные опасения. Несмотря на свою небольшую численность, кеты занимали огромную территорию, протянувшуюся почти на тысячу километров с севера на юг и на полтысячи с запада на восток. Селились они относительно обособленными группами, которые, находясь в разных географических условиях, сильно различались по своему образу жизни. Перед началом коллективизации и переходом к оседлости, основываясь на материалах Приполярной переписи населения 1926/27 гг. и собственных наблюдениях, Б.О. Долгих (1934) выделил и составил описания хозяйственной жизни восьми групп кетского населения: курейской, туруханской, верхнеимбатской, елогуйской, подкаменнотунгусской, дубчесской и южной.

В общей сложности в этих группах насчитывалось тогда 1248 человек. Судьба их сложилась по-разному. До настоящего времени лучше всего сохранилась елогуйская группа, сосредоточенная в поселке Келлог на левом притоке Енисея реке Елогуй. Это самая крупная из существующих групп (230 кетов).

Основная часть подкаменнотунгусских кетов (на 1 января 1997 года - 153 человека) живет в небольшом поселке Суломай, расположенном в нижнем течении Подкаменной Тунгуски и относящемся к Байkitскому району Эвенкийского автономного округа. В 1995-1996 годах несколько кетских семей переехало из Суломая на Енисей, в крупный русский поселок Бор.

Курейские кеты, жившие последние десятилетия на берегу Мундуйского озера, сейчас рассредоточились в поселках Мадуйка (на берегу озера), Горошиха (на Енисее) и Светлогорск (на реке Курейке, около гидроэлектростанции).

Бывшая верхнеимбатская группа, связанная в прошлом с рекой Пакулихой и озером Налимье, живет у Енисея, главным образом в поселках Сургутиха и Бакланиха.

Указанные четыре группы живут более или менее компактно, что позволяет выделить соответствующие этнохозяйственные ареалы. Остальные группы рассеялись. Согласно последней переписи населения 1989 года, в сельской местности Красноярского края проживало 863 кета (97 процентов их сельского населения и 80 процентов общей численности).

По данным Туруханского райстата, на 1 января 1997 года в 14 сельских администрациях района насчитывалось в общей сложности 748 кетов. Почти половина этого количества живет в удаленных от Енисея поселках: Келлоге, Мадуйке и Суломае, где кеты находятся в численном превосходстве, составляя более двух третей всех жителей. Около 200 кетов (т.е. 23 процента общей численности их сельского населения) живут в поселках, где, находясь в меньшинстве, они все же составляют значительную (30-40 процентов) часть населения (поселки Сургутиха, Бакланиха и Горошиха). В остальных населенных пунктах доля кетского населения не превышает 15 процентов.

По нашей оценке, все этнохозяйственные ареалы кетов находятся сейчас в неустойчивом состоянии. Изолированные ядра кетского населения с очагами традиционной культуры отсутствуют. Кеты ведут оседлый образ жизни, находясь в окружении русского населения, среда общения на кетском языке практически исчезла. Различия в промысловом природопользовании между коренным и некоренным населением невелики, а уровень жизни у коренного населения значительно ниже. В отличие от русских у кетов обычно отсутствует подсобное крестьянское хозяйство, которое является сейчас важной поддержкой для жителей таежных деревень.

Различия в положении кетского населения по отдельным этнохозяйственным ареалам также невелики. Наблюдения за охотничье-промысловым хозяйством Туруханского района были начаты нами еще в 1973 году. При этом мы опирались на материалы Е.Е. Сыроечковского (1968, 1974), детально исследовавшего биологические ресурсы и традиционный хозяйственный комплекс Туруханского Севера в начале 1960-х годов, перед реорганизацией колхозов в крупные государственные предприятия (госпромхозы Главохоты РСФСР).

Это дало возможность проследить изменения в традиционном природопользовании этнохозяйственных ареалов региона за несколько десятилетий. Они оказались связаны с целым комплексом факторов:

- природных - изменения численности основных охотничье-промысловых животных;
- организационно-экономических - смена целого ряда хозяйственных форм: колхозы - госпромхозы - совхозы - акционированные предприятия и родовые хозяйства;
- социальных - конкурентные отношения с некоренными старожилами и новопоселенцами.

Формирование современной системы промыслового природопользования, ориентированной главным образом на добычу соболя (так называемый лимитирующий ресурс), произошло за последние три-четыре десятилетия и сопровождалось значительным перераспределением угодий между коренным и некоренным населением в пользу последнего. Фактически в 1960-е годы на Енисее начался второй за его историю период освоения ресурсов соболя, связанный с активной экспансией русских охотников. До этого основой пушного охотничьего промысла была белка. Экономические стимулы к освоению таежных угодий были слабее, что способствовало сохранению экстенсивных традиционных форм промысла. Для понимания взаимосвязи между состоянием биологических ресурсов и традиционным хозяйством остановимся на истории промыслового природопользования Туруханского Севера (Сыроечковский, Рогачева, Клоков, 1982).

Первые русские промышленники появились на Енисее в XVI веке. Интенсивное освоение запасов соболя началось здесь в первой половине XVII века, когда его ресурсы в более западных областях начали истощаться. Волна русских промышленников как бы прокатилась по Сибири с запада на восток, истребляя соболя и уходя дальше. Источниками поступления пушнины в государственную казну была пошлина, которая взималась с промышленников, и ясак, которым было обложено коренное население. Уже в 1684 году из-за резкого сокращения запасов соболя его промысел в енисейской Сибири и Якутии для русских промышленников был запрещен, и единственным источником соболиных шкурок остался ясак.

К началу XX века соболь оказался на грани полного исчезновения и сохранился только в самых глухих уголках тайги. Эффективные меры по его охране были приняты только в начале 1930-х годов, в скором времени они дали положительный результат.

Истребление соболя - небольшого, но активного хищного зверька - вызвало рост численности ряда других животных, прежде всего белки. Если обратиться к статистике, то обратная зависимость между заготовками шкурок соболя и белки сразу же бросается в глаза. Так, в период расцвета соболиного промысла - в начале XVII века - белку на Енисее

почти не добывали, а к концу этого же столетия и в течение следующих 300 лет она оставалась основой пушного промысла. Перед 1917 годом на участке от Туруханска до Ворогова ежегодно закупалось около полумиллиона беличьих шкурок. В годы высокого "урожая" массы мигрирующих белок доходили до самых северных пределов тайги. Нередко зверьки тысячами переплывали через Енисей.

С исчезновением соболя шкурками белки стали в основном платить ясак коренные жители. Она была важной статьёй дохода и поселившихся в енисейских "станках" русских крестьян (так называемых сельдюков). Однако это не было то сказочное богатство, которое мог принести соболь и ради которого промышленники оставляли дома и уходили в тайгу. В течение трехсот лет русские оставались в основном привязанными к Енисею, а большая часть территории в глубине тайги находилась в распоряжении коренных народов.

После революции пушнина стала важной статьёй экспорта, и ее заготовки были монополизированы государством. Образование колхозов позволило создать эффективную систему освоения биологических ресурсов тайги. Использование охотничьих и рыболовных угодий было упорядочено проведенным в 1936 году земледоустройством. При этом ближние угодья отводили в основном русским колхозам, образованным в приенисейских "станках", а дальние - промысловым артелям кочевых народов.

В русских колхозах были организованы специальные бригады для промысла белки, которые уходили в тайгу на несколько месяцев, ночуя в палатках. Чтобы улучшить условия, колхозы строили для них охотничьи базы с магазинами и пекарнями, к которым прокладывали конные тропы и санные дороги. Сборщики пушнины приезжали за шкурками прямо в тайгу.

Дальше от Енисея, по его притокам, где охотились коренные северные народы, создавались фабрики. Охотники из коренного населения традиционно охотились "ходовым" (маршрутным) способом, который был связан с кочевым образом жизни. Как средство передвижения обычно использовали оленей. Кеты и селькупы запрягали животных в нарты. Так же стали охотиться и западные группы эвенков, хотя основная часть этой народности пользуется верховыми оленями¹.

Оленными охотниками с нартами осваивалось равнинное левобережье Енисея - бассейны Турухана (современские эвенки и баишенские селькупы), Пакулихи (черноостровские и сургутинские кеты), Елогья (елогуйские кеты), Сыма (сымские эвенки), а также бассейн Курейки (курейские кеты) на правом берегу. Эта территория была покрыта сетью постоянных дорог для оленьих упряжек. В гористых ландшафтах правобережья Енисея с нартами охотились только курейские кеты, нижнетунгусские и подкаменнотунгусские (суломайские) кеты промышляли пешком, а тынепские эвенки - верхом на оленях.

Русские (за исключением нескольких семей в верховьях Сыма) с оленями обращаться не умели. До 1930-х годов они ловили белку в основном плашками в неширокой полосе тайги вдоль Енисея.

В 1950-х годах поселки и колхозы для удобства управления стали укрупнять, стараясь при этом переселить людей на Енисей - ближе к постоянным линиям связи. При объединении поселков коренное население часто перемешивалось с русским.

В эти же 1950-е годы на Енисее вновь появился соболь. Основная волна его расселения шла с востока, из Эвенкии, где численность этого вида восстановилась раньше. Поэтому сначала он заселил правобережье Енисея, на левом же берегу появился значительно позднее. Появление соболя вызвало резкое снижение численности белки, сначала на правом, а через 8-10 лет - и на левом берегу Енисея.

Промысел соболя сложнее, требует большего умения охотников, и сами способы охоты на соболя и белку довольно различны. Белка распределяется по угодьям в зависимости от урожая кормов, каждый год по-разному. Для ее успешного промысла бригады охотников должны быть мобильными, поэтому использование оленей давало большие преимущества. Соболь на Туруханском Севере предпочитает темнохвойную тайгу, где эффективен самоловный промысел на стационарных участках.

По мере того как белки становилось меньше, кочевые охотники, особенно те, кто имел оленей, стали избегать угодий, в которых держался соболь. Сохраняя привычный способ охоты, они искали места, где было еще много белки. Значительная часть угодий, в первую очередь, на правом берегу Енисея, опустела.

Наиболее активные и предприимчивые охотники, в основном из русского населения, быстрее освоили новый для них способ промысла. Они стали оборудовать в тайге постоянные участки, занимая наиболее удобно расположенные и богатые соболем угодья вдоль Енисея и по долинам его притоков. При этом русские охотники, традиционно занимавшие места ближе к Енисею, оказались в выигрыше.

Промысел на оленях к началу 1980-х годов практически исчез. Этому способствовали также возникшие проблемы с содержанием оленьих стад и широкое распространение механического транспорта. В 1960 - 1970-х годах в тайге началась "технизация" охотничьего промысла. Чтобы хорошо оборудовать участок, требовалась моторная лодка, мотопила, позднее вошли в употребление снегоходы и радиостанции. Все это было в дефиците и стоило дорого. При низких заготовительных ценах охотники вынуждены были сбывать значительную часть пушнины перекупщикам, причем цены "теневого рынка" в городах были значительно выше, чем на месте. В этих условиях охотнику недостаточно было хорошо знать тайгу - не менее важно было иметь связи для выгодной реализации пушнины.

Это обстоятельство ставило коренных жителей в неравное положение, давая большие преимущества приезжающим с юга новопоселенцам. Последних привлекала в тайгу возможность хорошо заработать на промысле соболя. Относительно дешевая авиация и поддержка местной администрации (такие охотники "давали основной план") позволяла им осваивать участки в глубинных угодьях, включая и те, что раньше занимали оленные охотники. В этот период соболя там было уже больше, чем в переопромышленной приенисейской полосе.

В результате к концу 1980-х годов практически все охотничьи угодья Туруханского района были поделены между охотниками. При этом площади, занятые коренным населением, оказались значительно меньшими, чем при прежней системе природопользования, ориентированной на промысел белки, хотя формально права на угодья и условия охотпользования были равными. На этом примере хорошо виден механизм действия **территориального этноцида**, в

¹В пределах енисейской тайги верхом на оленях промышляла только небольшая группа тынепских эвенков.

результате которого площадь этнохозяйственных ареалов традиционного природопользования сокращается при любых изменениях хозяйства в сторону его интенсификации, хотя численность коренного населения при этом может оставаться стабильной или даже увеличиваться.

Более детальные исследования, проведенные в елогуйском этнохозяйственном ареале, позволили выявить связи традиционного хозяйства с этносоциальными и этнодемографическими процессами.

Результаты социально-психологического анализа взаимодействия двух этнических общностей - кетов и русских, проведенного в Келлоге к.ф.н. И.А. Григорьевой в 1991 году, показали, что потеря этнокультурной самобытности кетов идет очень быстро. При большой плотности контактов во всех значимых сферах жизни и общения межкультурные заимствования имеют резко асимметричный характер. Налицо полное доминирование русского уклада жизни. При этом со стороны русских не столько проявляется отношение к кетам как представителям **иной** культуры, сколько акцентируется **низкий** уровень этой культуры. Сами кеты также оценивают влияние русской культуры в основном как негативное. При этом внутригрупповое сплочение среди кетов отсутствует, а активных социальных субъектов, которые могли бы изменять ситуацию в межэтнической общности, стать инициаторами возрождения кетской культуры, почти нет. Рассчитывать на улучшение организации жизни коренного населения без четко направленной помощи не приходится.

Эти выводы подтверждаются нашими наблюдениями в других кетских поселках, причем за последние годы ситуация не изменилась.

Проведенный нами по данным похозяйственных книг за 1960-й, 1988-й и 1994-й годы анализ развития в Келлоге ассимиляционных процессов по различным типам семей показал, что за последние тридцать лет процесс воспроизводства населения в кетских однонациональных семьях нарушился. Большая часть детей растет без отца. В то же время структурные различия между смешанными (в основном русско-кетскими) семьями и семьями некоренных национальностей практически отсутствуют. Поэтому следующее поколение кетов будет в значительной степени представлено потомками от смешанных браков, выросшими в более благоприятных условиях, в полных семьях.

В результате перестройки кеты, как и все коренное население енисейской тайги, оказались, образно говоря, в "экономическом вакууме". Формы товарообмена упростились до предела, нередко до прямого обмена излишков промышленной продукции на товары первой необходимости. Используя новые формальные возможности, жители кетских поселков неоднократно пытались проявить хозяйственную инициативу, чтобы решить три основные задачи: сбыта, снабжения и получения кредитов, однако эффективных хозяйств создать пока не удалось. В большинстве случаев лидером становился русский, проживший значительную часть жизни "на материке" и в то же время тесно связавший свою судьбу с национальным поселком и его жителями. Это легко объяснимо, так как коренные жители, почти не выезжающие из своего поселка, совершенно не подготовлены к решению формальных и организационных вопросов.

С точки зрения экономической эффективности традиционное природопользование на Туруханском Севере находится в таком же парадоксальном положении, как и на Таймыре. Оно существует и развивается лишь до тех пор, пока остается неэффективным. Лишь только оно начинает приносить ощутимую прибыль - появляется поток новопоселенцев, вытесняющих коренных жителей с их рабочих мест. Так было и в Суломае, и в Келлоге - когда рост численности соболя привлек в поселки новых охотников, и на Мундуйском озере - после восстановления стада ценных сиговых рыб. В жестких экономических условиях выживают в основном предприятия, неограниченно эксплуатирующие либо свои природные ресурсы, либо труд своих работников. Промысловые совхозы оказались неспособны ни к тому, ни к другому. Семейные промысловые хозяйства коренных жителей выживают только за счет своей способности к самообеспечению и "сверхнормативного" по отношению к уровню потребления труда своих участников. Природной основой таких хозяйств являются промысловые участки. В енисейской тайге они сформировались в течение последних тридцати лет с переходом к стационарному самоловному промыслу соболя. Теперь, в результате реформ, эта система промыслового землепользования еще более укрепляется. Хотя исторически ее нельзя считать традиционной для кетов, она в основном отвечает сегодняшним нуждам коренного населения, однако не избавляет его от территориального этноцида, так как при формально равных (или почти равных) условиях фактические преимущества остаются на стороне русских старожилов.

Наряду с этим будущее традиционного природопользования тесно связано с процессами экономического и социального развития региона в целом. Если развитие экологически не сбалансировано, ведет к нарушениям природной и культурной среды региона - отдельные меры по защите и поддержке коренных народов вряд ли окажутся эффективными. В связи с этим нами была предпринята попытка определить стратегию сбалансированного развития Туруханского Севера как типичного региона, населенного коренными северными народами¹.

В ее основу положена биогеоэкономическая оценка продуктивности (емкости) кормящего ландшафта. Эта емкость определяется величиной вовлекаемого в хозяйственный оборот природноресурсного потенциала, который складывается из отдельных ресурсных циклов. Каждый цикл включает использование и воспроизводство какого-либо одного вида ресурсов, охватывая соответствующую отрасль хозяйства (например, рыболовство для рыбных ресурсов) вместе с системой охраны и воспроизводства этого вида ресурсов.

Каждый ресурсный цикл может обеспечить рабочими местами - "прокормить" - определенное количество людей. Если население региона превышает эту величину, то в хозяйственное использование должны быть дополнительно вовлечены новые ресурсы. В Туруханском районе по связям с ресурсными циклами можно выделить три основные группы населения:

1. Жители крупных поселков (Туруханск и Бор), составляющие около половины населения района. Они в основном были связаны с обслуживанием минерально-сырьевых ресурсных циклов (геологоразведка, прямое и косвенное ее обслуживание). Сейчас геологоразведочные работы свернуты, за счет чего в районе появилось не менее 3,5 тысяч

¹ Исследования по разработке региональной модели устойчивого развития для районов Крайнего Севера, населенных коренными малочисленными народами (на примере Туруханского Севера), проводились в 1995-1997 годах коллективом специалистов Института проблем экологии и эволюции РАН, НИИ Географии Санкт-Петербургского Государственного Университета, Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН и других научно-исследовательских учреждений в соответствии с поручением Правительства России под руководством Е.Е.Сыроечковского.

"лишних" трудоспособных жителей, что соответствует примерно 8 тысячам "лишнего" населения. Примерно одна третья часть этих людей выехала из района.

2. В расположенных по берегам Енисея поселках южной и центральной частей района основная часть населения связана с сельским хозяйством, главным образом - со скотоводством. Несмотря на наличие пригодных для освоения пойменных земель, развитие этой отрасли ограничивается отсутствием рынков сбыта. С 1991-го по 1997-й годы поголовье крупного рогатого скота в районе сократилось в 1,8 раза, а занятость в сельском хозяйстве - в 2,8 раза. По этой причине в приенисейских поселках образовалось не менее 500 "лишних" трудоспособных людей, которые стали обеспечивать себя и свои семьи за счет биологических ресурсов: главным образом за счет браконьерского лова осетровых рыб.

3. Очень ограниченное число людей (200-250 человек) имеют возможность полностью обеспечивать себя и свои семьи за счет промысловых биологических ресурсов. Лимитирующим промысловым ресурсом Енисейского Севера является соболь, добыча которого обеспечивает основной денежный доход промысловиков. В соответствии с продуктивностью и доступностью угодий в одном поселке может жить не более 20 профессиональных промысловиков.

Небольшая часть населения связана также с другими ресурсными циклами. На самом севере района (поселок Совречка) есть несколько десятков домашних оленей. В южной его части ведутся лесозаготовки. Кроме того, все население района использует рыбу, дичь, ягоды и грибы для собственного потребления. Для многих людей основным источником дохода стал браконьерский лов осетровых рыб.

Расчеты, проведенные на условной модели жизнеобеспечения промысловой семьи из 4-5 человек, показали, что денежные доходы, получаемые от охоты, рыболовства и сбора дикорастущих растений, в среднем достаточны, чтобы покрыть ее текущие потребности. Однако они слишком малы, чтобы купить новую технику для промысла, оплатить рейс вертолета на промысловый участок или выехать в отпуск в другие районы страны. Таких семей в районе может быть около 200-250, т.е. всего при сложившейся системе природопользования только за счет промысловых ресурсов может прокормиться около 1000 человек. На 1 января 1997 года в районе проживало 14,3 тысяч человек, из них 1,2 тысячи малочисленных народов Севера.

Таким образом, при отсутствии промышленного освоения сбалансированное развитие района требует решения трех проблем:

- обеспечить рабочими местами жителей крупных поселков;
- наладить эквивалентный товарообмен с удаленными промысловыми поселками (где проживает основная часть северных народов);
- поддерживать сельскохозяйственное производство в приенисейских поселках в интересах большинства сельского населения района (включая и ту часть народов севера, которая перешла на сельскохозяйственно-промысловую модель жизнеобеспечения).

Указанные проблемы взаимосвязаны - попытка изолированно решать только проблемы коренного населения приведет к росту межэтнической напряженности. Выбор стратегии экологически устойчивого и сбалансированного развития создает основу для того, чтобы сохранять в устойчивом состоянии и коренные малочисленные этносы, для которых, в первую очередь, необходимо:

- поддержание относительной этнической изоляции хотя бы небольшой части этноса, чтобы предотвратить форсированную ассимиляцию и сохранить - там, где это еще возможно - культурно-языковое пространство (для кетов на Туруханском Севере сфера общения на родном языке практически уже утрачена);
- развитие социальных структур и органов национального самоуправления коренных малочисленных народов;
- сохранение связи малочисленных этносов с землей (в первую очередь предотвращение территориального этноцида);
- развитие у коренных народов хозяйственной автономии на основе традиционного природопользования.

5. Защита интересов коренных народов в традиционном природопользовании (принципы и методологические подходы)

5.1. Исторические права коренных народов на землю и биологические ресурсы

В России и развитых зарубежных странах отношение к народам "четвертого мира" в течение последних десятилетий колебалось между двумя противоположными тенденциями, причем обе крайности приводили, в конечном счете, к ассимиляции коренных меньшинств. Первая - "патернализм"- при которой доминирующее общество рассматривает коренные народы как отстающие в своем развитии и нуждающиеся в покровительстве. Вторая тенденция исходит из принципа "равных возможностей" и выражает отказ от признания особого статуса коренных народов. Она логически вытекает из "патернализма" и исторически следует за ним, когда этнокультурные различия между коренными народами и доминирующим обществом объявляются несущественными, а специфика традиционного хозяйства и культуры игнорируются. Характер проявления этих тенденций в американских странах и в Старом Свете существенно различен.

В Швеции и Норвегии, например, так же, как и в России, отношения между коренным населением и государством складывались как отношения господства, причем власть господина понималась не только как право, но и как обязанность. Верховная власть в этих странах (правительство, король, царь) могла распоряжаться землей и ресурсами, не отдавая коренному населению отчета в своих действиях, но это не снимало с нее обязанности заботиться о своих подданных. Напротив, в США и Канаде исторически сложился определенный консенсус насчет того, что коренные народы изначально, как первооткрыватели американского континента, имели право собственности на свои земли. Поэтому отношения между правительством и общинами первооткрывателей складывались с высокой степенью формального равноправия. Цель патернализма здесь была - интеграция индейцев в рыночную экономику.

Земельные отношения в населенных коренными народами (инородцами) областях, присоединяемых к Российской империи, первое время регулировались существовавшими у тех нормами обычного права. При этом Российское государство молчаливо подразумевало, что земли, на которых жили эти народы, становились его собственностью. Внешне это выражалось в том, что инородцы должны были платить ясак, который рассматривался не только как налог, но и как земельная рента (Коренные народы..., 1995).

Однако самими коренными народами положение вещей воспринималось по-другому. Поскольку первоначально сбор ясака обычно сопровождался раздачей "подарков" (ножей, топоров, табака и др.), его воспринимали скорее как меновую торговлю (Бахрушин, 1952, Khodarovski, 1994). Выдающимся историческим документом своего времени, по существу провозгласившим политику невмешательства государства во внутреннюю хозяйственную и гражданскую жизнь сибирских народов и в значительной степени гарантировавшим сохранение за ними хозяйственных территорий, был разработанный М.М.Сперанским "Устав об управлении инородцев Сибири"(1822). В нем, в частности, было сказано: "Строго воспрещается Россиянам самовольно селиться на землях, во владение инородцев отведенных". В Советском Союзе "государственный патернализм" получил развитие начиная с 1930-х годов и, действуя в направлении интеграции всех народов в единое социалистическое общество, за несколько десятилетий лишил народы Севера самостоятельности, превратив их хозяйство в зависимый сырьевой элемент плановой системы. Сменившая его рыночная экономика предоставила северным народам кажущееся "равноправие" в экономическом пространстве свободного рынка, где традиционные формы хозяйства совершенно не защищены от монополизма и конкуренции.

К настоящему времени сам факт наличия у коренных народов Севера исторических прав на земли и биологические ресурсы получил в России общее признание. При этом предполагается, что наличие таких прав имеет объективную историческую основу и не вытекает из их официального признания или непризнания в текущий момент. Однако остается неясным ряд принципиальных позиций, без которых невозможна практическая реализация указанных прав:

- Кто и при каких условиях может являться субъектом таких прав?
- На какую территорию, а также на какие виды ресурсов этой территории они могут распространяться?
- Что может считаться объективной основой наличия таких прав и достаточным основанием для их предоставления?

В зарубежных государствах понятие "земли коренного населения" должно опираться на точное юридическое определение, установленное Конституцией или специальным законом о статусе коренного населения. Указанные права должны распространяться только на те группы населения, которые признают себя потомками первожителей данной территории и де-факто занимают ее в настоящее время (исключение может быть сделано только для случаев недавнего насильственного переселения, например, при закрытии поселков, если традиционные угодья еще не заняты кем-либо другим). Площадь земель должна быть достаточна, чтобы данная этническая группа могла обеспечить свое воспроизводство как в физическом, так и в культурном плане. Чтобы соответствовать этим условиям, земли должны быть включены в специальный реестр, а их защита относится к юрисдикции государства. В задачу государства входит также обеспечить общее признание этих земель, гарантирующее коренным народам соблюдение их прав в доминирующем обществе.

Следует подчеркнуть, что территориальные права коренного населения не вытекают из их признания государством, точно так же, как непризнание этих прав государством не отменяет их. Речь идет о первоначальных правах, вытекающих из социальной и культурной связанности современных этнических групп с народами, занимавшими эту территорию в историческом прошлом. В странах Америки, например, под таким прошлым понимается доколумбовский период. Эти права основаны и на факте выживания до нашего времени коренных этнических групп, которые признают себя продолжателями традиций своих предков и в этническом плане отделяют себя от остального общества современных американских стран.

Аргументация противников такого подхода строится обычно на том, что в этом случае почти вся территория Америки может рассматриваться как земли ее первожителей, т.е. индейцев. Однако это совсем не то, что устанавливает законодательство. Обнаружить следы присутствия индейцев в далеком прошлом на большей части территории страны или в каком-либо конкретном месте само по себе не достаточно для того, чтобы считать эту часть страны, или ее какой-либо участок принадлежащим индейцам. Необходимым и достаточным условием для этого является только существование в настоящее время конкретной группы людей, которые считают себя потомками первожителей и которые физически занимают данную территорию. Только для таких групп предусматривается особое право на место своего обитания, которое и гарантируется государством. Эта гарантия включает обязательство обеспечить выделение (демаркацию) таких земель, официальное признание прав на эти земли той группы или этнического сообщества, которое их занимает, а также продолжение его существования в экономическом, социальном и культурном плане.

Например, в одной из южно-американских стран - Бразилии - административная процедура официальной регистрации индейских земель неоднократно изменялась с течением времени (J. Pachero de Olivera, 1990). Она регламентируется сложным комплексом декретов, постановлений и инструкций, выпущенных Службой защиты индейцев, Национального Индейского Фонда и других государственных органов. Среди всех признанных различными официальными способами индейских земель можно выделить три основные группы:

- земли, рассматриваемые как постоянно принадлежащие индейцам (они представляют места их обитания и официально признаются таковыми, вне зависимости от установления их границ - демаркации);
- земли, выделенные государством для индейцев в форме резерватов, парков и индейских территорий;
- земли, которые находятся в собственности индейцев в соответствии с гражданскими актами, а именно: дара, покупки или обмена.

Первая группа земель образовалась вследствие применения закона о Статусе Индейца 1973 года и находится в ведении Национального Индейского Фонда. Образование земель второй группы, как правило, связано с деятельностью

Службы защиты индейцев, в некоторых случаях земли этой группы относятся также к Национальному Индейскому Фонду. Земли третьей группы появились в результате внутренних решений администрации Бразильской республики.

В процессе административного и законодательного признания индейских земель можно выделить несколько стадий:

- ◆ "Нулевая" стадия - это не идентифицированные земли, в отношении которых со стороны государства еще не принято никаких решений. Информация, которая имеется о таких землях, ограничивается в большинстве случаев лишь очень неточным указанием их местоположения. О них часто неизвестно ничего, даже этнического происхождения и лингвистической принадлежности той группы, которая их предположительно заселяет. Тем более нет данных о численности населения и площади земель.

- ◆ Первая стадия - это стадия **идентификации**. Она состоит в первоначальном признании факта существования индейских земель в каких-либо предварительных документах (отчетах, картах), в которых содержатся предложения выделить данную территорию или временно "закрывать" район для его специального изучения.

- ◆ Вторая стадия - **выделения границ**, которая выражается в официально утвержденном административном акте, определяющем физические границы территории, которая признается как индейская. Форма такого официального утверждения несколько раз изменялась (официальное извещение или постановление Национального Индейского Фонда, совместное постановление ряда министерств, декрет президента) в зависимости от того, какие государственные органы были на это уполномочены (президент Фонда, министры, президент Республики).

- ◆ На основе выделения границ индейских земель производится их **демаркация**, т.е. обозначение этих границ на местности.

- ◆ Следующая стадия - **официальное утверждение** индейских земель - относится исключительно к компетенции президента Республики, который издает соответствующий декрет.

- ◆ Последняя стадия - **регистрация** утвержденных земель специальной Службой исторического наследия.

Только в результате этой длительной процедуры права индейцев на владение землей приобретают такую же законную силу, как права собственности на землю белого населения, и начинают признаваться и государственными властями, и крестьянскими общинами бразильцев.

Подчеркнем, что, по нашему мнению, когда речь идет об исторических правах на землю какого-либо народа, имеется в виду его право на жизненное пространство именно как субъекта истории, а не земельные права собственности его отдельных представителей. Право народа как исторического субъекта не зависит от формы собственности на землю и подразумевает (в отличие от прав земельного собственника!) неотчуждаемость от народа его земли путем ее продажи, передачи или каким-либо иным путем. О форме собственности - частной, коллективной и т.д. - речь может идти, когда рассматриваются права людей, а не народов. Поэтому признание за коренным этносом его права на исторически занимаемые земли должно выражаться совсем не в немедленном юридическом оформлении на них прав собственности для его отдельных представителей (это скорее приведет к потере земли). Вместо этого должен быть сформирован орган, представляющий интересы коренного народа как целого, с которыми и должны решаться конкретные вопросы оформления земельных прав для отдельных физических и юридических лиц.

Здесь мы возвращаемся к вопросу о субъекте прав на традиционное природопользование, о том, кто может представлять в этом вопросе интересы коренного народа. В России в последнее время активно обсуждается возможность создания у северных народов "родовых общин", идет и разработка соответствующего законопроекта. Рассмотрим в этой связи вопрос о сущности общины и ее возможной роли как субъекта прав традиционного природопользования.

5.2. Община и ее роль в традиционном природопользовании

Как показывает зарубежный опыт (Канада, США, Южная Америка, Скандинавские страны), община коренного населения (или иная организационная структура, имеющая право на землю) может выполнять весьма разнообразные функции и иметь различную степень автономии. Ее роль в развитии коренных меньшинств может быть двоякой. Она может быть искусственным образованием, созданным по инициативе государства с целью ограничить законным путем сферу интересов коренного населения, а также ту территорию, на которую распространяются его права, и освободить тем самым жизненное пространство для крестьян-новопоселенцев или промышленного освоения. С другой стороны, если община возникает (или трансформируется) под воздействием внутренних процессов самоорганизации коренного населения, она становится активным центром его развития и борьбы за свои права и интересы. Приведем для примера краткую информацию об организации общин саамов-оленоводов в Швеции, где характер взаимоотношений между коренным населением и доминирующим обществом очень напоминает Россию (Beach, 1981).

Общины саамов-оленоводов (Lappby) были образованы в Швеции специальным законом в 1886 году с целью устранить конфликты, возникавшие между оленеводами и шведскими фермерами, и установить наблюдение за деятельностью оленеводов. Произшедший при этом возврат к исторически традиционной для саамов коллективной собственности не был решающим фактором. Большое значение имело стремление государства защитить интересы шведских фермеров и создать такую систему, которая обеспечивала бы им компенсацию за ущерб, нанесенный стадами северных оленей. Таким образом, создание общин не столько наделяло оленеводов коллективными правами, сколько делало их ответственными за урон, который наносили их стада, проходя через земли фермеров.

В 1971 году вышел новый закон, в котором община получила свое современное название Saameby. Степень коллективной ответственности при этом еще более возросла. Раньше, к примеру, община платила штраф за нанесенный

оленьями ущерб только в том случае, если нельзя было установить его непосредственного виновника. Теперь, даже если владелец оленей, которые нанесли ущерб, известен, убытки все равно возмещает община. Это, в частности, заложило основу для конфликтов между оленеводами. Те из них, кто ведет хозяйство более интенсивно и тщательно следит за стадами, вынуждены выплачивать долю штрафа за более беспечных, не заинтересованных в экономическом успехе хозяев.

Образование такого рода общин можно рассматривать с разных позиций. Для государства - это создание нового юридического лица, отвечающее задачам рационализации оленеводческого хозяйства страны. Для самих саамов - это искусственное преобразование государством существовавшей у них в прошлом формы самоуправления.

Членами саамской общины в Швеции могут быть три категории лиц:

- ◆ имеющие право на оленеводство и участвующие в оленеводческом хозяйстве (владельцы оленей) в пределах отведенной общине пастбищной территории;
- ◆ имеющие право на оленеводство и нанятые владельцами оленей данной общины для постоянной работы в нем, при условии, что работа в оленеводстве является для них основным источником дохода;
- ◆ имеющие право на оленеводство и вступившие в брак с членами общины, указанными выше, или имеющие с ними общих детей, а также вдовцы и несовершеннолетние дети умерших членов общины.

Эти три группы членов имеют разные права. Различия в правах определяются также степенью участия в оленеводческом хозяйстве и той долей доходов, которую приносит оленеводство члену общины. Фактически права зависят в первую очередь от размера стада. Имеются, правда, и определенные ограничения, введенные, чтобы защитить интересы мелких владельцев оленей.

Своеобразие экономической организации общины оленеводов проявляется в следующем:

- ◆ община не может участвовать ни в какой экономической деятельности, кроме оленеводства;
- ◆ все лица, занятые оленеводством (и только они) могут и должны быть членами общины;
- ◆ члены общины совместно несут неограниченную материальную ответственность за экономические обязательства общины;
- ◆ община не может распределять между своими членами свой доход;
- ◆ община не может быть распущена.

На экономическую сущность общины существуют различные точки зрения. Ответственность за содержание коллективной общинной собственности не дает ее членам права на получение и распределение прибыли, которую эта собственность приносит. В то же время община может выступать в роли фирмы, нанимающей оленеводов на работу за плату. Оленевода-собственника члена общины можно рассматривать и как ее служащего, имеющего в ней определенную долю собственности. Однако он может выступать и как индивидуальный предприниматель, практикующий свой бизнес наряду с другими относительно независимыми оленеводами своей общины. Наиболее существенными моментами в жизни общины являются избирательные права ее членов, распределение между ними государственных субсидий на развитие оленеводства и налогообложение.

Прибыль от оленеводства каждый владелец оленей получает сам. Его участие в коллективных расходах общины происходит через ежегодные взносы. Размер этих взносов рассчитывается путем деления разницы между годовой прибылью и расходами общины (т.е. дефицита в ее бюджете) пропорционально числу оленей, принадлежащих ее членам. Например, если годовой доход общины от продажи на аукционе выбракованных из-за нападения хищников оленей, от государственных компенсаций, банковских процентов и др. составляет 480 тысяч крон, годовые расходы (на строительство изгородей, поддержание в порядке базовых домов, авиацию и пр.) - 600 тысяч крон, а общее поголовье оленей - 4 тысячи, то каждый владелец должен будет выплатить взнос:

$(60000 \text{ крон} - 48000 \text{ крон}) : 4000 \text{ оленей} = 30 \text{ крон на 1 оленя.}$

Если в текущем году общине удалось избежать отторжения или повреждения земель промышленными предприятиями, и не было нападений на оленей хищников, вследствие чего она не получила от государства компенсационных платежей, то единственным источником средств, чтобы выравнять бюджет, остаются дополнительные взносы оленеводов. Таким образом, в отличие от обычной корпорации, чем лучше результаты работы общины, тем больше размер взносов, которые приходится платить ее членам.

Другой важной особенностью общины является ее принудительный характер. Все оленеводы должны быть ее членами. Она создана не самими саамами, а государством, и не столько для защиты их интересов, сколько для улучшения управления хозяйством страны. Неучастие членов общины в распределении ее прибыли придает ее деятельности в основном затратный характер. Оленеводы охотно соглашаются тратить общинные деньги, например, на приобретение техники и пользование вертолетами для выполнения работ, которые они могли бы выполнить с меньшими затратами.

Противоречия между различными группами саамского населения создает также тот факт, что членами общины могут быть только те, кто непосредственно занят в оленеводстве. Это ослабляет позиции национального движения. Выходом из этого положения стало предложение ввести новый тип членства общин для оленеводов. Такие члены могут составлять своего рода "группу поддержки" общины. Не имея прав на использование оленьих пастбищ, они могут получать от общины преимущества в других отношениях, например, право на охоту и рыболовство на ее территории.

Несмотря на различные формальные условия, из-за которых не все саамы, не занятые оленеводством, могут стать членами "группы поддержки" и несмотря на другие ограничения их прав, сам факт, что саамам предоставляются преимущества в пользовании биоресурсами по этническому, а не только по профессиональному (обязательное участие в оленеводстве) принципу, чрезвычайно существенен для саамского движения в Швеции. Это означает официальное признание государством того, что община есть форма национальной автономии, а не только профессиональная и хозяйственная организация.

В отличие от шведской Saameby, исторически возникшей как профессионально-хозяйственное объединение и до сих пор сохраняющей свои хозяйственные функции в качестве основных, общины коренного населения в Северной Америке (особенно в США) являются в основном политическими организациями. Их функции и специфические особенности уже были освещены в русскоязычной печати (Стельмах и др., 1990), поэтому мы не останавливаемся на них детально. Отметим только, что, хотя в целом различия в устройстве североамериканских общин коренного населения не особенно велики, социальные функции общин на Крайнем Севере в целом развиты слабее.

Основным органом власти является совет общины, избираемый ее членами на один-два года. Во главе Совета стоит председатель (в Канаде - вождь). В Канаде по решению общины допускается заменять всеобщие выборы "традиционными" методами определения вождя и совета - например, на наследственной основе или путем общего согласия-консенсуса на сходе общины. В Канаде этим правом в последнее время стали пользоваться около половины всех индейских общин, хотя в ее северных провинциях (Юкон, Северо-Западные Территории) сохраняется прежний, установленный государством порядок.

Совет выступает, прежде всего, в качестве официального представителя общины: он осуществляет все ее официальные контакты с федеральными и местными властями, министерствами, неправительственными организациями. В США, наряду с этим, в компетенцию Совета входит право распоряжаться основными видами общинной собственности (включая землю, лесные и водные ресурсы, полезные ископаемые), а также ее финансами.

Кроме того, общины имеют право отправлять правосудие в пределах своей территории. Общинные суды имеют довольно большие, определенные законом полномочия. В частности, они могут даже вести уголовные дела в отношении членов своей общины.

Община имеет право самостоятельно решать вопрос о своем членстве. Чаще всего членами имеют право быть лица, имеющие не менее 1/4 индейской крови. В современных условиях особый смысл приобрела деятельность общин в сфере социального развития своего населения, прежде всего, образования молодежи.

В Канаде автономия общин выражена слабее, чем в США. Закон дает право советам общин - правда, с одобрения Министерства по делам индейцев - принимать и претворять в жизнь постановления по ряду вопросов, обычно находящихся в ведении муниципальных властей. Однако этой возможностью пользуются далеко не все общины. В финансовом отношении советы общин полностью подотчетны Министерству по делам индейцев, которое выделяет деньги на оплату служебных помещений, заработной платы для администрации и постоянных служащих, командировок и консультаций. Через администрацию общин проводятся в жизнь также целевые социальные, экономические и другие программы, которые финансирует Правительство. Существенно, что общины финансируются напрямую, минуя общенациональные и региональные организации коренного населения.

Таким образом, функции общин коренного населения могут быть весьма разнообразны. В Швеции саамские общины исторически возникли как профессионально-хозяйственные объединения и до сих пор сохраняют хозяйственные функции в качестве основных. Общины коренного населения в Северной Америке, особенно в США, являются в основном политическими организациями, образуя своего рода "государство в государстве".

Во всех случаях община имеет право самостоятельно решать четко определенный законом круг вопросов, в котором первое место занимают права на территорию и распоряжение ее ресурсами, связанными с традиционной хозяйственной деятельностью. Мы видим также, что община - это в значительной степени искусственное образование, находящееся под сильным давлением государства. Ее можно рассматривать как необходимый буфер, защищающий коренное население от непосредственного соприкосновения с государственной машиной доминирующего общества. Любой член общины может сообщаться с государственным аппаратом через ее выборные органы, т.е. через более подготовленных для этого посредников.

Кроме того, община имеет возможность своими средствами разрешать внутренние противоречия, неизбежно возникающие в среде коренного населения между различными его слоями. Это дает возможность внутреннего развития, которое, благодаря буферной функции общины, может протекать относительно независимо от остального общества. Государство может содействовать или препятствовать этому процессу, предоставляя общине более или менее широкие полномочия.

Отечественная практика создания "общинно-родовых хозяйств" на Севере России шла в основном в направлении создания хозяйственных структур, т.е. по шведской модели. Их образование было тесно связано с процессом распада колхозно-совхозной системы. Однако существующие "общинно-родовые хозяйства" нельзя считать общинами в полном смысле этого слова, их статус практически не отличается от статуса промышленного предприятия. Фактически их создание было одним из способов реформирования ("деколлективизации") социалистических предприятий, при котором территория и основные фонды переходили в руки других владельцев. Хотя при этом и создается видимость передачи оленьих пастбищ и промысловых угодий малочисленным северным народам, на деле этот процесс может скорее привести к потере этих земель, так как при этом не сформировано субъекта прав на территорию, выражающего интересы этих народов. Создание же настоящей общины - как формы местного этнического самоуправления - должно гарантировать сохранение целостности земель, исторически занимаемых данной этно-территориальной группой, что и должно быть закреплено в статусе этих земель.

В то же время рекомендовать создание общин как единый "рецепт" для всего Севера России мы считаем неправильным. В принципе наличие общины не является абсолютно необходимым для того, чтобы обеспечить правовой статус земель коренного населения. В развитом правовом государстве субъектами традиционного природопользования могут выступать физические лица - представители коренных национальностей, или же юридические - организации (кооперативы, семейные, частные предприятия и др.), имеющие, согласно закону, статус национальных. Однако для этого они должны добровольно и самостоятельно объединиться. Здесь важно подчеркнуть, что кооперация, в отличие от общины, предлагает предварительный переход к рыночному менталитету. Если община может быть создана сверху, формальным путем, по решению государства, то условием возникновения кооперации является предварительное

существование экономически независимых частных или семейных хозяйств, которые могут объединиться только на добровольной взаимовыгодной основе.

Это различие, отмеченное еще К. Марксом в отношении русской крестьянской общины, отражает тот факт, что община предполагает взгляд на интересы индивидуума через интересы сообщества; кооперация же, напротив, организует общее дело для достижения индивидуальных целей. Восстановление общины - это воссоздание социального порядка, характерного для традиционных обществ, где право каждого может быть поддержано лишь силой большинства. Кооперация же существует и развивается в обществе, где право каждого само является силой. Опыт показывает, что там, где сохраняется общинное сознание, кооперация не удается.

Конечно, замена "права силы" на "силу права" есть объективный прогресс общественных отношений, который не следует тормозить. Однако богатый опыт России, прошедшей уже один раз через тотальную коллективизацию, наглядно показывает, что искусственное подталкивание даже объективно прогрессивных тенденций равносильно попыткам тащить растение вверх, чтобы оно быстрее росло. Возможно, что путь народов Севера идет не к общине, а через общину. Возможно и то, что попытки искусственной реставрации общин окажутся неудачными. В любом случае возможность воссоздания местной формы самоуправления типа общины должна быть предложена там, где коренное население этого хочет. Вместе с тем, закон должен гарантировать права на землю и ресурсы и тем представителям коренного населения, которые не захотят стать членами общины.

5.3. Принципы защиты интересов коренных народов при промышленном освоении

Особой и чрезвычайно актуальной проблемой является защита прав коренных народов на их земли в условиях промышленного освоения Севера. До настоящего времени отчуждение таких земель под промышленное освоение происходит практически в беспорядочном порядке. Выплачивается только формальная компенсация, используемая чаще всего не для улучшения жизни кочевых промысловиков и оленеводов, которые в действительности больше всего страдают от промышленного освоения, а в интересах жителей поселков - центров сельских администраций, или даже центров административных районов. Кочевые жители, всегда составляющие меньшую часть населения, оторванную от средств связи и коммуникаций, не имеют никакой реальной возможности защищать свои интересы.

В связи с этим возникает потребность в выработке принципов и подходов, позволяющих обоснованно оценить допустимость или недопустимость освоения и определить условия, на которых оно может быть проведено. При этом целесообразно ориентироваться на положения Конвенции № 169 МОТ: во-первых, для того, чтобы подготовить условия для ее ратификации; во-вторых, исходя из статьи 69 Конституции России, которая гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права.

Несколько лет назад нами было предложено три таких принципа (Дмитриев, Клоков, 1990):

1. **Принцип свободы выбора приоритетов.** Конвенция МОТ №169 утверждает, что традиционные виды деятельности коренного населения заслуживают признания и охраны, а самому населению необходимо оказывать техническое и финансовое содействие в развитии традиционных технологий (ст. 23).

В проектах экономического развития мест проживания коренного населения вопросы улучшения условий его жизни и труда должны рассматриваться как приоритетные по сравнению с другими целями (ст. 7.2).

В существующих условиях для северных народов реально возможны два пути развития: либо принять европейскую модель образа жизни и постепенно слиться с основной массой населения страны как в демографическом, так и в хозяйственном и культурном отношениях, либо сохранить хозяйственно-культурную самостоятельность и автономно развивать традиционные формы хозяйства и самобытной культуры.

В этом случае появится возможность сохранить свое "лицо", индивидуальность и неповторимость образа жизни среди других больших и малых народов нашей страны, а параллельное совместное развитие приведет к взаимному обогащению достижениями и ценностями культуры. Оба пути имеют свои преимущества и свои трудности, и каждая этническая группа населения вправе выбирать тот путь, который ее больше привлекает, распределяя приоритеты между конкретными социальными, экономическими, экологическими и другими целями.

2. **Принцип добровольного согласия** требует получения сознательного и свободно выраженного согласия коренного населения на осуществление всех затрагивающих его интересы программ, в частности на разведку и эксплуатацию минеральных ресурсов, находящихся на его традиционных территориях (ст. 15.2). В той же статье Конвенции предусматривается создание социального механизма, с помощью которого оно может быть получено: через доверенных представителей или путем референдума.

3. **Принцип компенсации** является необходимым дополнением двух первых. Он утверждает необходимость, по возможности, наиболее полно компенсировать ущерб, неизбежно причиняемый местному населению при разведке и извлечении минеральных ресурсов (статьи 15.2, 16.4). Конкретные формы такой компенсации могут быть самыми разнообразными и должны определяться на основе выбранных коренным населением приоритетов.

Технология реализации этих принципов в существующих условиях требует выработки специальных процедур, позволяющих осуществить диалог между заинтересованными сторонами. В настоящее время таких процедур в России практически нет. Поэтому возможности разработки эффективной компенсационной программы в каждом конкретном случае должны тщательно изучаться специалистами, одновременно с исследованиями по оценке воздействия освоения на окружающую среду и жизнедеятельности коренного населения. Можно надеяться, что в результате таких работ постепенно будет выработана основа для конструктивного диалога и сформируются органы, активно защищающие интересы коренных северных народов. Последнее сейчас, пожалуй, наиболее важно.

К сожалению, стремление повысить эффективность хозяйства и улучшить условия жизни людей исходя из стандартов доминирующего общества приводят, как правило, к обратному результату. Чтобы предотвратить или хотя бы замедлить сокращение традиционного природопользования, можно предложить два пути, которые будут рассмотрены

ниже. Это - переход в местах проживания народов Севера к **совместному управлению биологическими ресурсами** и созданию там охраняемых государством **этно-экологических территорий**.

5.4. Совместное управление биологическими ресурсами

К биологическим ресурсам Крайнего Севера обычно относят те виды ресурсов дикой (не окультуренной человеком) природы, которые традиционно используются в хозяйстве местным населением северных территорий. Это - ценные виды пушных зверей (соболь, песец, ондатра, белка, горностай и др.), дикие копытные (лось, дикий северный олень и др.), птицы семейства тетеревиных (так называемая боровая дичь), промысловые рыбы внутренних водоемов, пищевые дикорастущие растения (грибы, ягоды, кедровый орех и др.), а также пастбища (кормовые растения) северных оленей. Существует и много других объектов живой природы, которые могут быть использованы для спортивно-любительской охоты, рыболовства, коллекционирования, экологического туризма и др. Вообще говоря, они тоже являются биологическими ресурсами, однако проблемы их использования не специфичны для Крайнего Севера. Те виды ресурсов живой природы, использование которых не является традиционным для северных регионов (лес - как источник древесины, сенокосы, пастбища для скота и прочее), обычно в составе биологических ресурсов не рассматриваются. Отдельную группу биоресурсов составляют морские животные и растения, используемые в традиционном хозяйстве.

До начала экономических реформ на Крайнем Севере насчитывалось около 500 совхозов, колхозов, промхозов и других предприятий, связанных с использованием биологических ресурсов. Хозяйственно-возможная продуктивность их территорий по оценкам, сделанным в закупочных ценах 1980-х годов, составляла (Карелов, 1984 и др.):

- по охотничьим животным - 97,3 миллионов рублей в год (из них 59,6 процентов составляла пушнина, 18,2 - мясо диких копытных и 22,2 - боровая дичь);
- по промысловым рыбам - 117-130 тысяч тонн;
- по дикорастущим пищевым растениям, с учетом только удобных для массовых заготовок массивов, - более 30 миллионов рублей (включая 8625 тонн ягод, 1760 тонн грибов и 1752 тонн кедрового ореха).

Надо отметить, что хозяйственно-возможная продуктивность никогда не использовалась полностью: в 1980-е годы ресурсы охотничьих животных и рыбы осваивались примерно на 2/3, а дикорастущих растений - менее чем наполовину. При этом наибольшее значение имело потребительское использование биологических ресурсов (Карелов, 1984). После экономических реформ общий объем использования промысловых биологических ресурсов на Севере несколько уменьшился, а их потребительское значение возросло. Оценить эти изменения количественно сейчас трудно.

Еще более важное значение для северных народов имеет природно-ресурсная основа оленеводства - олени пастбища.

Наиболее тесно с оленеводством связана жизнь более 3,5 тысяч семей коренного населения (15 тысяч человек), сохраняющих кочевой образ жизни. Общее поголовье домашних северных оленей в России достигало почти двух с половиной миллионов. Государственные закупки оленьего мяса до начала приватизации составляли 35-40 тысяч тонн в год (Карелов, 1984, Забродин, Карелов и др., 1989, Пика и Прохоров, 1994).

В последнее время живая природа Севера приобретает большее рекреационное и культурно-экологическое значение и для некоренных местных жителей и, особенно, для туристов из других мест. Можно с большой вероятностью ожидать, что в отдаленной перспективе весь Крайний Север (за исключением очагов промышленного освоения) будет превращен в зону с режимом, близким к национальному парку. Это вытекает из ограниченной биологической продуктивности северных экосистем и целесообразности использовать ее наиболее "экономным" образом, а также из необходимости особенно тщательно охранять хрупкую северную природу.

Вместе с тем, рост заповедных площадей и развитие северного туризма будут вступать в противоречие с интересами коренного населения. Еще более острые проблемы появились за рубежом в связи с развитием движения "зеленых", выступающих против охоты на диких животных, торговли их шкурами и мясом. В России, согласно ее международным обязательствам, должен быть прекращен промысел пушных зверей с использованием "негуманных способов их добычи", к которым относится большая часть применяемых в настоящее время ногозахватывающих капканов. Возникает опасность ограничения экспорта промышленной пушнины, сужения рынков сбыта охотничьей продукции, снижения экономической эффективности промысла.

Таким образом, биологические ресурсы Севера могут использоваться для жизнеобеспечения коренного населения, для получения товарной продукции, а также в рекреационных, культурных и научных целях. При этом возникает целый ряд противоречий, например:

- между объемом использования и воспроизводством ресурсов;
- между коренным и некоренным местным населением, а также между местными жителями и населением других регионов;
- и, в рамках самого традиционного хозяйства, между традиционными способами использования ресурсов и новациями.

Управление ресурсами (осуществляемое на Севере России в настоящее время государством) должно примирять эти противоречия, уравнивая интересы государства, коренных северных народов и некоренного населения Севера. Соответственно, возникает вопрос о принципах и методах этого управления. Исходя из опыта разных стран можно выделить три крайних подхода к управлению биологическими ресурсами в местах проживания коренного населения.

Первый, получивший особенно широкое распространение на зарубежном севере, которого придерживаются "зеленые", основан на принципе минимального вмешательства в природу. Его также можно выразить известной формулой "природа знает лучше". В соответствии с ним на Севере должна быть максимизирована площадь заповедных территорий. Использование биологических ресурсов, особенно животных, может допускаться в минимальных объемах, лишь в той степени, в какой это действительно необходимо для жизни общества в современных условиях. Наиболее грубые формы насилия над природой, прежде всего охота, особенно коммерческая, и связанная с ней торговля мясом и шкурами диких животных, должны исключаться. За живой природой и, в первую очередь, за теплокровными животными, должно быть

признано право на жизнь, независимо от того, отвечает это или нет интересам человека. Традиционные формы хозяйства коренных народов, связанные с лишением жизни большого числа животных, в условиях современности рассматриваются как варварство.

Второй подход, наиболее распространенный сейчас в России, считает идеалом использование биологических ресурсов на основе эколого-экономической оптимизации, когда охрана природы рассматривается как необходимое условие ее рационального использования. В отличие от первой позиции природа понимается здесь как система, в отношении которой не применимы заимствованные из сферы гуманитарных наук понятия "права", "уважения" и др. Оптимальные варианты использования определяются исходя из количественных критериев, таких как максимум продуктивности или минимум затрат при сохранении заданного уровня экологической надежности.

Третий подход акцентирует внимание на приоритетном праве коренных народов использовать биологические ресурсы на территории своего расселения. Его сторонники считают оба первых подхода одинаково некорректными по отношению к коренному населению, которое само должно решать все вопросы природопользования на своих землях. При этом обычно предполагается, что коренные этносы в достаточной степени сохранили те традиции, которые регулировали их отношения с окружающим миром живой природы в прошлом. Но даже если такие традиции утрачены, потомки коренных народов могут сохранять большую, по сравнению с представителями доминирующего общества, восприимчивость и большую способность понимания родной природы.

Действительно, при любых условиях права животных не могут превышать права аборигенного населения, в течение многих веков составлявших органическую часть северных экосистем. У него свои нормы отношения к природе, отличные от экологической этики европейцев, которые не имеют права навязывать ему свою культуру и мировоззрение. В конечном счете отношения со своей природной средой правильнее рассматривать как внутреннее дело коренного населения. Если местные биоресурсы будут истощены, пострадают от этого в первую очередь сами коренные жители. Оказать же существенное влияние на глобальные экологические процессы традиционное северное природопользование не в состоянии.

В настоящее время еще не представляется возможным выработать последовательный подход, охватывающий положительное содержание трех перечисленных выше. На практике ни один из них не может быть полностью реализован на значительной территории. Поэтому в современных условиях особенно ценны компромиссные решения, в результате которых сторонники каждой из противоборствующих позиций, делая друг другу уступки, могут быть удовлетворены за счет частичного осуществления своих принципов.

Особенностью России, по сравнению с зарубежным Севером, является относительная слабость первого и не очень активное противоборство между сторонниками второго и третьего подходов. При этом аргументация защитников приоритета коренных народов используется не столько ими самими, сколько представителями регионов в их борьбе против центра. В результате интересы собственно коренных меньшинств не разграничиваются четко с интересами северных регионов, где преобладает некоренное население.

За рубежом взаимоотношения человека и природы в традиционных сообществах посвящена обширная литература (Andrews, 1988). Поставлена и решается проблема совместного управления дикой природой (wildlife co-management), когда работа государственных служб сочетается с деятельностью национальных организаций коренного населения. И те, и другие заинтересованы в сохранении и преумножении природных ресурсов, но ищут для этого различные пути. Различия заключаются не столько в технологических приемах, сколько в общем стиле решения проблем, в разных ценностных ориентациях.

В России такой постановки проблемы еще не было. Имеющиеся предложения совсем отказаться от государственного экологического контроля за природопользованием коренных народов не выдерживают критики. Традиционные установки, которые ограничивали нагрузку на природу в прошлом, были основаны на единстве хозяйственной и культурной жизни народов Севера. Сейчас они ослабели или вообще не действуют. Однако полностью заменить их государственным регулированием - значит лишить традиционное хозяйство возможности адаптироваться к современным условиям, фактически заменить его новым, не традиционным. Необходимо разумное разграничение ролей и сфер деятельности в области управления биологическими ресурсами. Компетенции государства и традиционного хозяйства должны быть разделены. Должен быть выделен некоторый круг проблем, в который государственные службы уже не вмешиваются, и где все вопросы решаются коренным населением.

Учитывая важнейшую роль, которую играет традиционное природопользование в жизни коренных этносов, нужно признать, что достижение паритета в вопросе управления ресурсами оленеводческо-промыслового хозяйства означает для них основу этнической автономии. Как показывает опыт стран, где проблемы совместного управления биологическими ресурсами коренными народами и государством в значительной степени уже решены, путь к этому решению был постепенным и состоял из ряда последовательных этапов. R.K.Bell (1994), на примере канадского Севера, выделяет в этом процессе 7 уровней или этапов (рис. 2).

Первый соответствует положению, когда все существенные вопросы управления ресурсами решаются государственными органами (что отражает реалии северной Канады несколько десятилетий назад и современное положение в России). Последний, седьмой уровень - совместное управление ресурсами специальным кооперативным органом - можно рассматривать как конечную цель.

Действительно, традиционность хозяйства, будь то домашнее оленеводство или промысел, подразумевает использование накопленного данным этносом исторического опыта не только в материальной культуре и технологии - приемах выпаса, способах добычи и др., но и в регулировании ресурсопользования. Однако, как показывает зарубежный опыт, на практике государство всегда стремится установить за традиционным природопользованием контроль, привести его в соответствие со своими идеалами. Организации же коренного населения противятся этому, стремясь сохранить традиционные формы хозяйства, а не руководствоваться соображениями экономической эффективности или экологической этики.

Примером могут быть Норвегия и Швеция, где право частной собственности распространяется на домашних оленей, но в отношении пастбищ контроль почти полностью остается за государственными органами (Beach, 1981, Bjorklund, 1988, Delaporte, 1986, Roue, 1984, 1985 и др.). Деятельность последних направлена на то, чтобы обеспечить экологическую и экономическую стабильность оленеводства, установить наилучшее соответствие между пастбищами, поголовьем оленей и числом оленеводов.

Она основана на следующих принципах:

1. Каждая группа оленеводов должна иметь право использовать определенную пастбищную территорию.

В Швеции еще в 1886 году все пастбища были нарезаны на длинные параллельные полосы, включающие участки для всех сезонов года. Каждая полоса была закреплена за саамской деревней. В Норвегии, где пути миграций пересекаются, такое разделение оказалось невозможным. Здесь администрацией были выделены "олeneводческие районы", каждый из которых находится в распоряжении нескольких "сиидов". Однако это разделение касается только летних пастбищ, так как состав зимних и летних "сиидов" различен. Каждую весну и осень происходит перераспределение оленей, принадлежащих разным владельцам, между стадами. При этом стада, которые формируются осенью, по размеру обычно меньше летних. Соответственно меняется и состав пастухов, обслуживающих каждое стадо.

Рис. 2. Континуум подходов к совместному управлению биоресурсами в традиционном природопользовании (по Bell R.K., 1994).

Самостоятельное управление биоресурсами коренным населением		
Уровень VII	Совместное управление	Законодательно регламентированное совместное принятие решений
		Равноправное сотрудничество при управлении ресурсами мигрирующих или кочующих видов животных
		Делегирование общине полномочий при локальном управлении ресурсами (оседло живущие виды охотничьих животных и рыб, растительные ресурсы)
Уровень VI	Координация	Преследование заранее намеченных общих целей
		Участие представителей общин и организаций местных пользователей ресурсами в процессе принятия решений
Уровень V	Совещательные комиссии	Совместное обсуждение проблем
		Поиск общих целей и путей решения проблем
		Временные (ad hoc) соглашения по использованию и охране ресурсов
Уровень IV	Двусторонняя коммуникация	Организации местных пользователей признаются законными участниками разработки проектов решений
		Государственные органы оставляют за собой все права по принятию решений
Уровень III	Контакт при разработке решений	Установление прямого контакта с пользователями ресурсов при разработке проектов решений
		Использование традиционных знаний и опыта
		Взаимное уважение и оценка способностей друг друга
Уровень II	Формальный учет интересов	Обратная связь присутствует в научных исследованиях, но носит, как правило, формальный характер. Пользователи могут быть услышаны, но на их мнение не обращают внимания
Уровень I	Информирование	Государственные органы информируют пользователей о правилах использования ресурсов в одностороннем порядке. Обратная связь отсутствует
Государственное управление		

2. Для каждого участка пастбища, в соответствии с его кормовой продуктивностью, определяется максимально допустимая пастбищная нагрузка.

3. Исходя из этой нагрузки и числа оленеводов, которые имеют право использовать данный участок, устанавливается предельное количество оленей, которое может принадлежать каждому из них.

Если количество оленей превышает установленный предел, власти требуют, чтобы оленеводы забили лишних животных. В Швеции контроль за оленеводами еще более жесткий. Администрацией устанавливается норма количества оленей, которыми может владеть одна семья, исходя из прожиточного минимума. Для каждой деревни предельно допустимое на ее пастбищной территории поголовье оленей делится на эту норму и таким образом определяется число саамских семей, которым разрешается пасти оленей.

Как видно из изложенного, принципы государственного регулирования находятся в значительном противоречии с саамскими традициями выпаса. Первые подразумевают четкое закрепление каждого участка пастбищ за определенной группой владельцев, тогда как в исторически сложившейся социальной организации саамов эти группы не имеют постоянного состава. Это непостоянство имеет адаптивный характер. Гибкая саамская система пастьбы приспосабливается к типичным для этого региона неожиданным изменениям внешней среды. Экстремальные погодные условия (например, гололед) нередко вынуждают пастухов пасти оленей на чужой территории, вызывают перемешивание стад разных владельцев и т.п. Перегруппировывая стада с учетом условий текущего года, оленеводы могут экономить на затратах труда, избегать потерь и перемешивания стад. При этом саамы действуют с учетом большого числа важных для них, но не для государства факторов, таких как изменение семейного положения владельцев оленей и т.п.

По мнению многих зарубежных этнологов (Bjorklund, 1988, Delaporte, Roue1986 и др.), саамские формы организации оленеводства лучше справляются с задачами регулирования ресурсопользования, чем наложенная на них сверху государственная система. Последняя исходит из принципа "человек человеку волк", предполагая, что каждый владелец оленей во всех случаях стремится максимизировать свою выгоду в ущерб другим владельцам. Отсюда и вытекает необходимость жесткого административного контроля. Саамские же общины выступают в роли посредника - промежуточного звена, гармонизирующего отношения оленеводов друг с другом и с окружающей их природой. Доказательством этому служит тот факт, что ни в Швеции, ни в Норвегии ни разу не наблюдалось значительного истощения пастбищ по причине неправильного выпаса. Имевшие место случаи гибели оленей от бескормицы имели другие причины - неблагоприятные метеорологические условия.

Напротив, в Финляндии ситуация несколько иная: из 57 занятых оленеводством ассоциаций ("палискунта") саамы преобладают только в двенадцати (Ingold, 1973). Конкуренция между коренным и некоренным населением в сфере оленеводства приводит здесь к глубоким изменениям как в социальной жизни саамов, так и в технологии содержания оленей, в результате чего оленеводство утрачивает свой традиционный характер. Традиционные формы организации саамского оленеводства в этой стране не сохранились, и истощение пастбищ имеет место (Bjorklund, 1988, Ingold, 1973).

В Америке - на севере Канады и на Аляске - вопрос о соотношении прав доминирующего общества, в лице прежде всего его государственной администрации, и коренных северных меньшинств на земли и биологические ресурсы решается на других принципах. Из этого вытекает и вся система регулирования природопользования. Исторически здесь сложился определенный консенсус насчет того, что коренное население изначально имело права собственности (в европейском понимании этого слова) на свои земли. В силу этого, если правительство не заключало с коренным населением никаких соглашений, то последнее эти права сохраняет. Камнем преткновения поэтому становится неопределенность прав коренных народов, вытекающих из факта их первожительств. Поиски решения направлены на то, чтобы заключить с этими народами соглашения, устраняющие эту неопределенность, или, другими словами, заменяющие большие, но неопределенные права перво жителей маленькими, но конкретными.

В отличие от Норвегии и Швеции в Америке имеет место конкуренция между коренным и некоренным населением, так как и то, и другое занимается охотой и рыболовством. Однако и в Канаде, и в США за коренным населением признается приоритетное право на использование ресурсов дикой природы, и идет поиск механизмов, позволяющих осуществить этот приоритет на практике. Рассмотрим вариант решения этого вопроса, разработанный в Квебеке для Конвенции по заливу Бей-Джеймс (Convention..., 1991).

В соответствии с этим проектом, вся территория действия Конвенции подразделяется на три категории земель.

Первая, занимающая совсем небольшую площадь (3250 кв. миль для инуитов и 2158 для индейцев кри), включает земли вокруг поселков. Эти земли перешли в собственность коренного населения.

Вторая категория - несколько большая по площади (25130 кв. миль) - охватывает участки, где коренные жители получили эксклюзивные права на охоту и рыбную ловлю.

Остальная часть территории отнесена к третьей категории. Здесь представители коренного и некоренного населения имеют в основном равные права.

Согласно главе 24 Конвенции, за коренным населением признается:

а) право охоты и рыболовства на всей территории действия Конвенции в любое время года;

б) эксклюзивность указанного права на землях категорий I и II и на некоторых типах земель категории III;

в) приоритет в осуществлении указанного права. Приоритет определяется следующим образом:

"...в соответствии с принципами охраны и поскольку это позволяет состояние популяций животных, коренное население пользуется правом их эксплуатации на гарантированных уровнях, которые соответствуют современным уровням использования для всех видов животных".

Это означает, что при изобилии ресурсов право на их использование имеет и коренное, и некоренное население. В тех же случаях, когда состояние ресурсов требует введения ограничений, преимущества автоматически предоставляются коренным жителям (Jupiter, 1985). Указанные уровни устанавливались специалистами на основе изучения фактического использования каждого вида животных каждой из этнических групп.

В России система управления ресурсами изначально напоминала скандинавскую модель. Но после революции традиционные формы организации хозяйства были заменены колхозами, а последние были затем трансформированы в централизованно управляемые государственные предприятия. При отсутствии частной собственности это означало

создание эффективной в производственном плане, но очень негибкой и не способной адаптироваться эколого-экономической системы. В настоящее время она также разрушается. Процесс дезинтеграции распространяется на все ее уровни, вплоть до самых нижних, пока хозяйство не разложится на элементарные ячейки - семейные хозяйства. Во многих северных поселках этот результат практически достигнут, и семья сделалась основной хозяйственной единицей.

Возникающие сейчас родовые хозяйства обычно имеют в основе одну или несколько находящихся в родственных отношениях семей, уголья которых расположены по соседству. Процессы самоорганизации, необходимые для того, чтобы элементарные ячейки соединились в более крупные, способные к самоуправлению хозяйственные структуры, идут медленно. Поэтому в ближайшие годы основная нагрузка по регулированию ресурсопользования неизбежно ляжет на государственные службы. В создавшейся ситуации они окажутся в трудном положении: при сохранении старой модели управления объем работы увеличится во много раз. Выходом может быть переход к предельно простой системе экологического контроля, где усилия концентрируются на том, чтобы добиться соблюдения нескольких самых основных правил и ограничений.

Наряду с этим нужно стимулировать самоорганизацию промыслово-оленоводческого населения, предоставляя преимущества не более крупным предприятиям, а кооперативным объединениям семейных хозяйств. Если, к примеру, Ассоциация оленеводов какого-либо поселка будет иметь больше прав, чем неорганизованные семейные хозяйства, можно ожидать, что оленеводы начнут объединяться.

На Таймыре, к примеру, такой формой объединения могли бы быть, скажем, Ассоциации охотников за дикими оленями, в чем-то напоминающие коллективы охотничьего общества, а в чем-то сезонные промысловые артели.

Представим себе такую картину: в каждом национальном поселке Таймыра, а также на сопредельных территориях Якутии и Эвенкии, где проводят зиму дикие олени, постепенно складываются поселковые Ассоциации охотников за дикими оленями. Их членами скорее всего будут только представители коренного населения, хотя в каждом поселке может быть свой устав и условия членства могут, соответственно, различаться. Далее, объединяясь друг с другом по территориальному, национальному, или, может быть, какому-либо иному принципу, поселковые ассоциации могут вступать в союзы (например, Союз долганских охотничьих ассоциаций, Объединенная ассоциация охотников за диким оленем Восточного Таймыра и прочее). Такие организации могут уже вести конструктивные переговоры по всем текущим вопросам промыслового оленеводства с государственными экологическими службами и обществами охотников из некоренного населения (как спортивными, так и коммерческими). Они смогут решать и хозяйственные вопросы - реализации продукции, снабжения и др. Добываясь определенных приоритетных прав в сфере промыслового оленеводства, они будут предъявлять иски за ущерб пастбищам и самой популяции диких оленей. Это даст дополнительные доходы и позволит национальным организациям со временем иметь собственные экологические службы. Создаваемые вначале по профессиональному признаку, такие ассоциации могут впоследствии внести вклад и в развитие национальных культур народов Севера. Примером здесь могут быть Ассоциации саамов-оленоводов в Скандинавских странах.

Мы нарисовали лишь один из возможных сценариев. Если северные народы получают достаточно свободы и поддержки, они смогут придумать и реализовать и другие варианты.

Например, в специфических условиях Таймыра с его изменчивой экологической обстановкой может оказаться полезным опыт гибкой организации землепользования норвежскими саамами-оленоводами. В настоящее время для создания родового или иного предприятия по выпасу оленей необходимо получить в официальное пользование определенный участок пастбищ. Представим положение владельцев оленей, между которыми исторически не сложилось четкого разделения пастбищ, поскольку обстоятельства (например, повреждение пастбищ дикими оленями) могут неожиданно вынудить их перейти на новое место. Выходом здесь могла бы быть регистрация родовых хозяйств без закрепления за ними конкретного участка пастбищ - с тем, чтобы этот вопрос оленеводы решали между собой сами (как они это делают в настоящее время). Границы же пастбищ могут быть зафиксированы в целом для территориальной этнической группы в форме особого оленеводческого района.

В центре всех проблем традиционного природопользования Таймыра, несомненно, стоит управление популяцией диких оленей. Здесь может быть использован североамериканский опыт разработки региональных конвенций - многосторонних соглашений, охватывающих все вопросы охраны живой природы и аборигенного природопользования в пределах крупного региона. Об одной из них, связанной с промышленным освоением северного Квебека, речь уже шла. Другим, более близким аналогом может быть соглашение по крупной популяции дикого северного оленя (карибу) в бассейне реки Поркьюпайн на границе Канады и Аляски (Leblond, 1982). Разработка региональных конвенций - это многолетний процесс, который впоследствии переходит в постоянные консультации и переговоры заинтересованных сторон по частичному изменению и дополнению условий соглашения по мере того, как в этом возникает необходимость. Первым шагом, позволяющим попытаться использовать этот опыт в нашей стране, может быть обсуждение среди специалистов принципов и приоритетов, которые могли бы быть положены в основу соглашений по совместному управлению ресурсами северных оленей в Таймырском регионе.

Возьмем за основу экологические принципы управления крупными популяциями дикого северного оленя, уже сформулированные Е.Е. Сыроечковским (1986, с. 216-222). Три из них можно рассматривать как основные:

1. Промысловое и домашнее оленеводство - это две равноправные формы использования ресурсов северного оленя. В каждом конкретном регионе приоритет имеет какая-либо одна из них. Таймыр и север Эвенкии представляют очаг предпочтения промыслового оленеводства.

2. Объектом использования, охраны и управления должна быть конкретная популяция дикого оленя как целое.

3. Необходима единая экологическая служба, осуществляющая мониторинг популяции и среды ее обитания.

Более частный характер имеют такие принципы, как необходимость (в условиях снятия пресса хищников) регулярного контроля промыслом, разработка специальной системы биотехнических мероприятий (биогеотехнологии), признание культурного значения крупной популяции копытных как памятника природы (там же, с. 220-221).

Приведенные выше материалы позволяют развернуть и дополнить эти принципы. При этом, на наш взгляд, должны быть приняты во внимание следующие соображения.

1. Исходной позицией для разработки региональной конвенции является совпадение основных интересов традиционного природопользования и охраны дикой природы. Поскольку в реально существующих условиях это совпадение не является полным, необходима разработка научно обоснованной системы совместного управления ресурсами дикой природы (wildlife co-management regime). Ее цель - устранить противоречия и предупредить конфликты между традиционным природопользованием и государственным регулированием использования природных ресурсов.

2. Таймырский автономный округ является многонациональным образованием, причем без явного доминирования какого-либо одного из коренных народов. Это объективно ослабляет их позиции в борьбе за свои права на приоритетное использование ресурсов дикой природы. В этих условиях объединение усилий национальных лидеров и экологов может быть очень полезным и эффективным.

3. Современная ситуация в оленеводческо-промысловом хозяйстве Таймыра достаточно сложна. Регулирование здесь не может быть осуществлено не только на локальном уровне, но даже и в масштабах всей территории округа, так как пути миграций диких оленей выходят далеко за его пределы. Если в других регионах такого рода проблемы могут быть в основном решены в рамках хозяйственного ареала одного коренного этноса, то на Таймыре это в принципе невозможно. Следовательно, здесь нужно с самого начала искать формы многосторонних соглашений по совместному управлению ресурсами дикой природы, активизировать коренное население и местную администрацию для контактов в этом направлении.

Исходя из изложенного, мы предлагаем для обсуждения следующие положения:

1. Управление ресурсами в промысловом и домашнем оленеводстве осуществляется совместно государственными службами и организациями, представляющими коренное население.

2. Система управления ресурсами северного оленя в Таймырском регионе должна обеспечивать поддержание равновесия между двумя формами оленеводства: домашним и промысловым - с тем, чтобы развитие одной из них не входило в противоречие с интересами другой.

3. Единая хозяйственная политика по отношению к обеим формам оленеводства и в области охраны ресурсов в пределах всего ареала популяции диких оленей достигается за счет заключения специальных соглашений между всеми заинтересованными сторонами. По мере их разработки эти соглашения объединяются в общую региональную конвенцию.

4. Меры государственной поддержки традиционного хозяйства должны разрабатываться применительно не ко всему региону в целом, а дифференцированно по отдельным этнохозяйственным ареалам.

5. В решении вопросов развития домашнего оленеводства безусловный приоритет со временем должны получить самостоятельные профессиональные организации самих оленеводов. Государственные службы должны осуществлять общий контроль за тем, чтобы не происходило истощения пастбищ на значительных площадях (от локальных перегрузок, которые, видимо, неизбежны, ущерб терпят в основном сами оленеводы).

6. Действия организаций, занятых обеими формами оленеводства, и государственных экологических служб должны быть объединены для защиты оленьих пастбищ от промышленного воздействия.

7. Объединение участников для решения общих проблем должно происходить постепенно и идти в основном снизу, а не сверху. В противном случае организации коренного населения, которые формируются и развиваются медленнее, чем новые административные структуры, не получат права голоса в решении основных вопросов.

8. Совершенно необходимая служба мониторинга не должна ограничиваться слежением за популяцией диких оленей и пастбищами, а охватывать также домашнее оленеводство и традиционное хозяйство коренного населения в целом.

9. Исходя из современного понимания социальных, экономических и экологических ценностей, предлагается следующая система приоритетов (аналогичная той, которая применяется в североамериканских соглашениях по карибу):

- использование популяции возможно только в рамках воспроизводства (т.е. экологические требования имеют самый высокий приоритет);

- потребительское использование коренным населением имеет самый высокий приоритет среди всех видов использования;

- некоммерческие виды использования (экологический туризм и прочее) имеют приоритет перед коммерческими.

5.5. Этноэкологические территории

За последние годы на Крайнем Севере России создан ряд крупнейших по площади заповедников. Исходя из интересов экологической безопасности, площадь природоохранных территорий на Севере следует увеличивать и дальше. Вместе с тем, никакая хозяйственная деятельность в заповедниках не допускается, а создаются они навечно. В результате большие территории северных угодий становятся недоступными для традиционного природопользования коренных жителей, что дополнительно ухудшает условия их жизни. Выходом может быть создание на Севере системы особых этно-экологических охраняемых государством территорий, статус которых совмещает решение природоохранных и культурно-этнических задач.

Опыт создания территорий такого рода имеется во многих странах. Совмещение рационального и ограниченного использования природных ресурсов с охраной природы, культурно-исторического наследия и мониторингом - один из международных принципов "Севильской стратегии...", принятой на Втором международном конгрессе биосферных резерватов в мае 1995 г. (Севильская стратегия..., 1996).

В России эта идея еще не нашла своего практического воплощения. Однако, законодательная база для создания этно-экологических территорий уже начала формироваться. Это, в первую очередь, Закон РФ "Об особо охраняемых природных территориях" (1995), разрешающий создание на базе заповедников биосферных полигонов, и Закон РФ "Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации", статья 12 которого предусматривает организацию в местах проживания народов Севера этно-экологических зон.

Концепция биосферных полигонов (Сыроечковский, 1981 и др.), предусматривает формирование по внешней периферии северных заповедников этноэкологических зон традиционного природопользования. В рамках этой концепции был разработан проект полигона Центральносибирского биосферного государственного заповедника в Туруханском

районе, предусматривающий первоочередное создание таких зон в трех этнохозяйственных ареалах: елогуйских и подкаменнотунгусских кетов и, кроме того, дубчесских староверов, хорошо сохранивших традиционные особенности русского крестьянского хозяйства и быта. Проект пока реализован лишь в небольшой степени: расположенный в верховьях реки Елогуй заказник получил статус этноэкологического, в нем выделена специальная территория, где имеет право заниматься промыслом только коренное население.

В настоящее время, кроме продолжающихся исследований в полигоне Центральносибирского заповедника, ведутся разработки предложений по созданию этно-экологических зон в следующих районах:

- ◆ В Усть-Енисейском районе Таймырского автономного округа на левобережье реки Енисей в ненецком этнохозяйственном ареале. Предполагается, что будущая этно-экологическая территория охватит область кочевого ненецкого оленеводства и полукочевого охотничье-рыболовного хозяйства, а также внутреннюю дельту Енисея (Бреховские острова), где расположены имеющие международное значение ветланды (места остановок мигрирующих водоплавающих и околоводных птиц). Она может быть включена в биосферный полигон Большого Арктического заповедника или иметь статус самостоятельной этноэкологической зоны.

- ◆ В бассейне реки Дудыпта (центральный Таймыр), где живут последние нганасанские семьи "гундровиков". Эта зона может быть включена в биосферный полигон Путоранского заповедника.

- ◆ В Хатангском районе в этнохозяйственном ареале долганского оленеводства.

- ◆ На Кольском полуострове, в районе заповедника Пасвик.

Последний проект предполагается осуществить на международном уровне путем создания зоны традиционного саамского природопользования, которая бы совместно использовалась оленеводами России и Норвегии.

В связи с подготовкой этих предложений нами разработана концептуальная модель включения этноэкологических зон в биосферные полигоны, т.е. создания биосферных этноэкологических резерватов (Клоков, 1990, Большаков, Клоков, 1997, Клоков, Сыроечковский, Хрущев, 1997).

Такой резерват можно рассматривать как многоцелевую полифункциональную структуру, задача которой - достичь устойчивого самообеспечивающегося развития, несмотря на то, что ее отдельные подсистемы могут иметь противоречивые цели. Для этого может быть использован ряд подходов и методов. Основные из них: зонирование территории, гибкое управление, создание культурнохозяйственных очагов.

Зонирование территории применяется практически во всех полифункциональных охраняемых территориях. Резерват разделяется на зоны, каждая из которых ориентирована на решение своего круга задач и имеет особый статус, определяющий допустимые виды природопользования и режим охраны. Помимо полностью заповедной зоны "ядра" и буферной зоны, в него включаются обширные этноэкологические зоны, где запрещена всякая хозяйственная деятельность, кроме традиционных видов природопользования. Могут быть созданы также рекреационная, научно-исследовательская, экспериментальная и производственная зоны.

Задача **гибкого управления** - обеспечить взаимодействие местного населения и администрации резервата, а также предотвратить возникновение конфликтных ситуаций в сфере природопользования, охраны природы и социального развития. Для этой цели могут быть созданы специальные координационные органы (советы, комиссии), а также специальный фонд для финансирования целевых программ и мероприятий.

Культурно-хозяйственные очаги должны быть посредниками между традиционными формами жизни и хозяйства и экономикой доминирующего общества. Их историческими аналогами можно считать промыслово-охотничьи станции и культбазы, которые давали возможность коренному населению воспринимать чужую культуру у себя дома, не отрываясь от своей земли, своего круга общения и традиций. Однако цель культурно-хозяйственных очагов в современных условиях другая - содействовать сохранению традиционной культуры и природопользования коренного этноса.

При организации этноэкологических зон мы предлагаем придерживаться двух географических принципов: во-первых, территориальной основой размещения таких зон должны быть объективно сложившиеся этнохозяйственные ареалы; во-вторых, зонирование, пространственная организация хозяйства и формы совместного управления биологическими ресурсами в этноэкологических зонах должны соответствовать типу этнохозяйственного ареала, учитывать первоначальную структуру традиционного хозяйственного комплекса, его современные связи с кормящим ландшафтом и степень (стадию) его аккультурации.

Большие возможности может дать включение этноэкологических зон в полигоны биосферных заповедников. Оно позволит:

- во-первых, более эффективно сохранять природную среду на тех территориях, которые нерационально исключать из хозяйственной деятельности;
- во-вторых, сделать объектом охраны не только природную, но и культурную среду, сохранив традиционные формы природопользования;
- в-третьих, сделать природоохранные территории не только "эталоном нетронутой природы", но и эталоном ландшафтов с равновесным природопользованием.

В итоге, создание этноэкологических резерватов должно способствовать поддержанию указанных выше условий сохранения малочисленных этносов. Ведущим звеном, обеспечивающим создание таких условий, выступает здесь территория, которая берется под государственную охрану.

Кроме биосферных полигонов, где этно-экологические территории призваны выполнять в основном консервативную функцию, они могут входить также и в состав национальных парков. В этом случае перед ними встанут особые культурно-экологические задачи. Они будут местом, где коренные северные народы смогут выступить в роли учителей, готовых поделиться с представителями научно-технической цивилизации своим умением жить в контакте с природой.

Подобно тому как заповедники нашей страны стали научными центрами изучения природы, национальные парки могут стать центрами экологической культуры. В отличие от парков, расположенных в хорошо доступных южных

районах, где можно организовать массовый отдых населения, специфической особенностью северных парков может стать преобладание культурно-просветительных функций. Они должны быть не столько территорией для развлечения и отдыха, сколько специальным местом, где созданы условия для углубленного и сосредоточенного индивидуального общения человека с природой, в том числе и с дикими животными. В этом плане их можно сравнить с музеями или филармонией. Серьезное общение с природой потребует от посетителей парка немалого напряжения духовных, а в некоторых случаях и физических сил, так как умение понимать природу и органично с ней сосуществовать не приходит сразу. Не беда, что такие парки не смогут принять многих. Суровый северный климат и удаленность от обжитых мест будут препятствием для тех, кто стремится к природе только для того, чтобы весело провести время.

Природа Севера - хороший учитель. Она немногословна, но производит на человека более глубокое впечатление, чем яркие пейзажи южных стран. Воспользовавшись словами замечательного северного писателя Бориса Шергина, можно сказать, что задача национальных парков на Севере в том, чтобы "мрачность леденовитых стран светло изъяснить".

Основные выводы

Проведенное нами исследование позволяет сделать основные выводы методологического и теоретического характера.

Распространенное мнение об отсталости традиционных обществ и их природопользования нельзя ни безоговорочно принять, ни безоговорочно отрицать. Беспредельный экономический рост, основанный на научном и технологическом прогрессе (включая и социальные технологии), действительно, не может служить ориентиром развития для традиционного природопользования коренных народов. Это тупиковый путь, которому наша цивилизация пока не нашла приемлемой альтернативы. Однако неправильна и точка зрения традиционалистов, отрицающих все ценности цивилизации, за исключением утилитарных. Вопреки распространенному мнению, экономический и научно-технический прогресс - это не главные ее ценности. Такой ценностью является гуманизм, имеющий свои религиозные истоки в христианстве. Современный экологический кризис есть следствие его антропоцентрического искажения. Традиционные общества должны, прежде всего, заимствовать в европейской культуре и цивилизации не технологии, а гуманистические идеалы.

Основанная на антропоцентризме современная парадигма "рационального природопользования" не может указать выход из экологического кризиса. Для этого необходима новая парадигма - "экологической культуры". Природопользование коренных народов, основанное на традиционных мировоззрениях, не противопоставляющих человека природе, может внести важный вклад в формирование новой экологической культуры. Коренные народы несут современному человечеству "экологический завет" единства с природой. Задача нашей цивилизации - принять его, не отказываясь при этом от собственных духовных основ.

Осмысление отношений к окружающему миру (природе и другим народам) в духе европейского (христианского) гуманизма полагает одновременное утверждение ценности и индивидуальной личности, и природы, и соборной личности (народа). Враждебное отношение к природе (экоцид) и к другим народам (этноцид) суть две стороны одного явления. Утилитарное отношение к природе или другому народу несовместимо с традицией христианского гуманизма.

Традиция русской общественной мысли и, в значительной степени, русской государственности рассматривает народы как соборные личности, история которых есть также и история идей. Это определяет отношения между народами как субъектные, а не как объектные отношения. Они должны строиться на основе взаимного уважения и сознания национального долга, а не только равновесия сил и экономической выгоды. Существование народа возможно лишь в процессе его творческой активности, которая проявляется во всех сферах его деятельности, включая природопользование. Отсутствие такой активности есть гибель, а ее источник лежит внутри самого народа ("свободу нельзя предписать из центра"). Вместе с тем для свободного развития необходимы и внешние условия, главные из которых: связь с землей и возможность контактов с другими народами ("корни должны быть в земле, а цветы на воздухе"). Долг государства - обеспечить эти условия для всех входящих в его состав народов. Задача каждого из народов - осознать самого себя, поставить себя как народ в историческую перспективу. Однако национальное самосознание пробуждается не сразу, и многие народы находятся еще во власти национальных инстинктов. Пробуждение самосознания есть важный успех в историческом развитии самого народа, страны и всего человечества.

В русле этой традиции лежит и разработанная А.И. Пикой концепция "неотрадиционализма", предусматривающая разумное сочетание старого и нового в развитии коренных народов Севера России. Наш подход, который можно назвать "культурноэкологическим", также лежит в русле неотрадиционализма, являясь одним из направлений последнего. В этом подходе этнос рассматривается в рамках этноценоза - более крупной системы, объединяющей этнос с окружающей его природной и социальной средой (прежде всего с кормящим ландшафтом). Главенствующее значение при этом придается сохранению экологической культуры коренных народов, прежде всего их традиционного природопользования.

Основной методический прием, выработанный нами в процессе этно-географических исследований традиционного природопользования Севера России, состоит в выделении и изучении этнохозяйственных ареалов. Этнохозяйственные ареалы - это географически обособленные области природопользования этносов, или отдельных этнотерриториальных групп коренного населения. В прошлом этноценозы народов Севера имели высокую степень системной автономии, включали четко выраженные биоресурсные циклы, территориально совпадающие с этнохозяйственными ареалами. В настоящее время этноценозы нарушены и в основном потеряли свою системную целостность и определенность. На практике удастся выделить только этнохозяйственные ареалы. Во многих случаях они

совпадают с границами бывших совхозов, колхозов, сельских советов и других исторически сложившихся территориально-хозяйственных единиц, которые, в свою очередь, наследуют более древние связи коренного населения с кормящим ландшафтом.

В результате проведенных исследований в Таймырском автономном округе и Туруханском районе Красноярского края мы выделили этнохозяйственные ареалы различного ранга, для каждого из которых характерен определенный тип природопользования, зависящий от природного ландшафта, этнического состава населения и истории формирования хозяйственного комплекса. Такой подход позволяет оценить устойчивость системы "этнос-ландшафт", исходя из ее структуры, характера и степени развития дестабилизирующих ее системные связи процессов: демографических, социальных, экономических и экологических.

Исследование аккультурации коренных северных этносов на системном (этноценотическом) уровне позволило выделить пять последовательных стадий этого процесса. На первых трех преобладает материальная аккультурация. Процессы формальной аккультурации начинают развиваться на третьей стадии и особенно обостряются на четвертой. Эта стадия является критической: после нее должно наступить или возрождение, или ассимиляция этноса. В целом можно сказать, что северные народы России проходят сейчас этот критический период. Среди изученных нами локальных этнохозяйственных ареалов Таймыра большая часть находится в промежуточном (переходном от третьей к четвертой стадии) положении; кетские этнохозяйственные ареалы на Туруханском Севере и саамские на Кольском полуострове - в четвертой и пятой (с преобладанием ассимиляции) стадиях. Норвежские саамы успешно прошли критический период и находятся в стадии образования неокультуры (пятая стадия).

Характерным процессом, который наблюдается в традиционном природопользовании народов Севера России на второй-пятой стадиях, является территориальный этноцид - сокращение площади этнохозяйственных ареалов при стабильной или даже растущей численности коренного населения. Территориальный этноцид происходит за счет постепенного вытеснения традиционного природопользования северных народов более эффективными экономическими системами доминирующего общества. Местными представителями доминирующего общества (некоренным населением) этот процесс, как правило, не осознается.

Перспективы гибели или возрождения этноса после прохождения критической четвертой стадии зависят, в первую очередь, от реакции этнической системы на давление со стороны доминирующего общества. В ходе исследований были отмечены три различных стратегии: изоляция, пассивная и активная адаптация. В районах исследования всюду абсолютно преобладает пассивная адаптация, которая выражается в сотрудничестве с доминирующим обществом без активных попыток изменить характер взаимодействия с ним. В то же время к сохранению традиционного природопользования и этническому возрождению ведет только стратегия активной адаптации, случаи которой чрезвычайно редки.

Задачей доминирующего общества является создание условий для активной адаптации традиционного природопользования и этнических систем в целом к современным условиям. При этом первостепенное значение имеет выработка новых приоритетов для перехода к экологически сбалансированному (sustainable) развитию Севера России. Отрывать друг от друга решение этнических и экологических проблем при этом нельзя. Развитие Севера должно быть очаговосплошным (Сыроечковский, 1968) с приоритетной государственной поддержкой традиционного природопользования коренных народов и организацией на значительных площадях охраняемых этноэкологических территорий (зон, резерватов).

Как показал анализ мирового опыта, отношение доминирующего общества к коренным народам варьирует между двумя противоположными тенденциями. Первая ("патернализм") рассматривает коренные народы как отсталые, которым требуется помощь, чтобы эту отсталость преодолеть. Вторая исходит из принципа "равных возможностей" для всех и выражает отказ от признания особого статуса коренных народов. Обе крайности ведут к ассимиляции. Реальные успехи в отношениях с коренными народами за рубежом были достигнуты на почве сотрудничества, которое в сфере природопользования получило название "совместного управления биоресурсами" (wildlife co-management). Сложилось две модели такого сотрудничества: североамериканская и североевропейская. В основе первой лежит правовое регулирование отношений (путем заключения долговременных конвенций, договоров и др.). Во второй больше внимания уделяется административному взаимодействию с государством. В России опыт такого взаимодействия практически отсутствует. Целесообразно испробовать возможности совместного управления биоресурсами, прежде всего, в оленеводстве и при управлении крупными популяциями дикого северного оленя.

Важнейший вопрос от решения которого зависит будущее северных этносов, это вопрос о правах коренного населения на промысловые угодья и олени пастбища. В мировой практике накоплен обширный опыт различных вариантов его решения. В России наиболее прогрессивным является путь, намеченный более ста лет назад проектом М.М. Сперанского. Ценный опыт (в условиях, близких к современной России) можно почерпнуть в южноамериканских странах. Как принципиальный момент мы рассматриваем необходимость передачи земельных прав этносу в целом, а не его отдельным представителям. Право народа (этноса) на землю не следует смешивать с правами отдельных его представителей, и заменять привилегиями, предоставляемыми по национальному признаку. Оно является историческим (правом народа как субъекта истории) и, в силу этого, принципиально отличным от гражданских прав собственности физических или юридических лиц.

Практический механизм осуществления этого права не может быть создан, пока не определится его субъект. Таким субъектом может стать община, если ей будут предоставлены права органа самоуправления. В этом случае она

может быть субъектом исторических прав коренного населения на землю и ее ресурсы и сама решать вопросы распределения этих прав между своими членами. Существующие сейчас "общинно-родовые хозяйства" являются хозяйственными организациями, и их нельзя рассматривать в качестве субъектов исторического права коренных народов.

Законодательное оформление субъектного права на земли традиционного природопользования (промысловые угодья и оленьи пастбища) необходимо и для эффективного решения широкого круга проблем, возникающих при их промышленном освоении. При сложившейся в России практике освоения традиционное природопользование всегда остается в проигрыше, так как компенсацию ущерба чаще всего получают не те, кто его терпит. Чтобы изменить положение, необходимо соблюдать при промышленном освоении три принципа: добровольного согласия, компенсации и свободы выбора приоритетов. Условием их практического осуществления является наличие правомочного субъекта, представляющего интересы коренного населения, и законодательно определенной процедуры урегулирования противоречий.

Совмещение сбалансированного и ограниченного использования биоресурсов (каковым и является традиционное природопользование северных народов) с природоохранными задачами, сохранением культурно-исторического наследия и мониторингом - один из международных принципов создания биосферных резерватов. В условиях Крайнего Севера России одной из основных форм охраняемых территорий могут стать этноэкологические зоны или резерваты, где природоохранный режим будет сочетаться с традиционными промыслами, оленеводством, а в некоторых случаях - и с экологическим туризмом. Этноэкологические охраняемые территории могут создаваться на базе уже существующих государственных заповедников, располагаясь вокруг абсолютно заповедного "ядра" и образуя одну из функциональных зон биосферного полигона. В других случаях этноэкологические зоны могут быть образованы на базе государственных оленеводско-промысловых предприятий, родовых хозяйств или в составе национальных парков. В соответствии с этими принципами ведется разработка предпроектных предложений по созданию нескольких этноэкологических зон в Туруханском районе Красноярского края, на Таймыре и на Кольском полуострове.

Литература

1. Алексеев В.П. Антропогеоценозы: сущность, типология, динамика. Природа, № 7, 1975.
2. Андрианов Б.В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М., 1985.
3. Бердяев Н.А. Централизм и народная жизнь. 1918. Цит. по сб. Н. Бердяев. Судьба России, М., Советский писатель, 1990, с. 71-75.
4. Бердяев Н.А. Движение и неподвижность в жизни народов. 1918. Цит. по сб. Н. Бердяев. Судьба России. М., Советский писатель, 1990, с. 184-189.
5. Большаков Н.Н., Клоков К.Б. Роль и задачи Центральносибирского биосферного государственного заповедника в устойчивом развитии традиционного природопользования Туруханского Севера. Доклад на III Международном семинаре по проблемам малочисленных народов Севера. Москва, май, 1997 г. Изд. НИИГ СПбГУ и ЦСБГЗ., М.-СПб.-Туруханск, 1997, 32 с.
6. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. М., Академиздат, 1952-1959.
7. Булгаков С.Н. Два града. 1911. Цит. по изд. РХГИ, СПб., 1997.
8. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. 1912. Цит. по изд. М., Наука, 1990.
9. Булгаков С.Н. Свет невечерний. 1917. Цит. по изд. М., "Республика", 1994.
10. Василенко Л.И. Антропоцентризм и его экологическая критика. Вопросы философии, № 6, 1983, с. 153-161.
11. Васильев В.И. Ненцы и энцы Таймырского национального округа (очерк хозяйства, быта и этнических процессов, протекающих на Енисейском Севере). В кн. Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., Наука, 1970, 279 с.
12. Гирусов Э.В. Основные исторические этапы взаимодействия общества и природы. Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981, с. 48-57.
13. Грачева Г.Н. В кн.: Материалы полевых этнографических исследований 1990-1991 гг. Изд. МАЭ РАН, СПб., 1993.
14. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Изд. 2-е. Л., 1989, 496 с.
15. Долгих Б.О. Кеты. М., 1934.
16. Долгих Б.О. Происхождение нганасан. Труды Института этнографии АН СССР, т. XVIII, 1952.
17. Долгих Б.О. 1963. Происхождение долган. Труды Института этнографии АН СССР, т. LXV, с. 32-141.
18. Евразийство (опыт систематического изложения). 1926. Цит. по сб. Мир России - Евразия. Антология. М., "Высшая школа", 1995, с. 233-290.
19. Забродин В.А., Карелов А.М., Драган А.В. 1989. Охотничье хозяйство Крайнего Севера. М., Агропромиздат.
20. Иванов К.П., Никитин В.С. Концепция этнодемографического равновесия народностей Севера. В сб. География и современность, вып. 5. Отв. ред. А.И. Чистобаев. Л., изд.-во ЛГУ, 1990, с. 64-77.
21. Итс Р.Ф. Введение в этнографию. СПб, 1991.
22. Карелов А.М. 1984. Нормативы экономической оценки продуктивности охотничьих угодий Крайнего Севера. М., изд. ЦНИЛОЗ Главохоты РСФСР, 80 с.
23. Карелов А.М., Драган А.В. Сравнительная оценка эффективности домашнего и дикого оленеводства Енисейского Севера. В кн.: Дикий северный олень, М., 1983, с. 16-29.

24. Клоков К.Б. Культурно-экологический подход к разработке концепций природопользования и некоторые аспекты стратегии адаптации сельских мигрантов. В сб. Этносоциальные проблемы сельских миграций. М., Изд. Ин-та этнографии АН СССР, 1990, с.189-203.
25. Клоков К.Б. Традиционное хозяйство народов Севера и охраняемые территории (к проблеме создания Центральносибирского биосферного резервата). - В сб. География и хозяйство, вып. 4, Районы проживания малочисленных народов Севера. - Изд. ВГО, Л., 1991, с. 50-74.
26. Клоков К.Б. Кочевое оленеводческое население: оценка возможностей этносоциальной адаптации и развития. Этногеографические исследования, вып. 1, изд. НИИГ СПбГУ, СПб., 1996, 28 с.
27. Клоков К.Б., Дмитриев В.С. Защита интересов и совершенствование хозяйственной деятельности коренного населения Севера, изд. НИЭСХ НЗ РСФСР, Л.-Пушкин, 1990, 37 с.
28. Клоков К.Б., Сыроечковский Е.Е., Хрущев С.А. Туруханский Север: проблемы традиционного природопользования и устойчивого развития. М.-СПб., 1997 (в печати).
29. Колпашиков Л.А. Дикий северный олень Таймыра (особенности экологии и рациональное использование ресурсов). Норильск, НИИСХ Крайнего Севера, 1982, 23 с.
30. Колпашиков Л.А., Куксов В.А., Павлов Б.М. Экологическое обоснование предельной численности таймырской популяции диких северных оленей. В кн.: Экология и рациональное использование численности наземных позвоночных Севера Средней Сибири. Новосибирск, 1983, с. 3-14.
31. Комар И.В. Рациональное использование природных ресурсов и ресурсные циклы. М., Наука, 1975.
32. Коренные народы России: самоуправление, земля и природные ресурсы. Обзор законов и иных нормативных актов XIX-XX вв. Издание Государственной Думы, М., Известия, 1995, 47 с.
33. Крупник И.И. Арктическая этноэкология (модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии). М., Наука, 1989, 271 с.
34. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-географические области. Советская этнография, № 4, 1955.
35. Лихачев Д.С. И ветви, и корни. В сб. Раздумья. М., 1991, с. 196-237.
36. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 46, ч.1, с.387.
37. Пика А.И., Прохоров Б.Б. 1994. Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика). М., 1994, 225 с.
38. Попов А.А. Нганасаны. Материальная культура. Труды Института этнографии АН СССР, т.4, М.-Л., 1948.
39. Севильская стратегия для биосферных заповедников, в кн. Заповедное дело. Научно-методические записки комиссии по заповедному делу. Вып. 1., М., 1996, с. 94-109.
40. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 1. 1883-1888. Собр. соч., 2-е изд. т. V.
41. Стельмах В.Г., Тишков В.А., Чешко С.В. 1990. Тропкою слез и надежд. Книга о современных индейцах США и Канады. М., Мысль, 1990, 316 с.
42. Сыроечковский Е.Е. Биологические ресурсы промыслового хозяйства Сибирского Севера и проблемы их комплексного освоения. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. докт. биол. наук. М., 1968.
43. Сыроечковский Е.Е. Биологические ресурсы Сибирского Севера. Проблемы освоения. М., 1974, 366 с.
44. Сыроечковский Е.Е. (ред.) Дикий северный олень в СССР. М., "Советская Россия", 1975, 317 с.
45. Сыроечковский Е.Е. Северный олень. М., Агропромиздат, 1986, 256 с.
46. Сыроечковский Е.Е., Рогачева Э.В. и др. Центральносибирский биосферный заповедник: комплексная эколого-географическая характеристика. - В кн.: Охрана и рациональное использование фауны и экосистем енисейского Севера. - М., 1988, с. 5-41.
47. Сыроечковский Е.Е., Рогачева Э.В., Клоков К.Б. Таежное природопользование (с основами биогеоэкономики). М., 1982, 287 с.
48. Сыроечковский Е.Е., Соколов В.Е. Географическая сеть биосферных заповедников: закономерности и перспективы развития. - В кн.: Биосферные заповедники: современное состояние и перспективы развития. (Тез. докл.) - Пушино, 1981, с. 5-10.
49. Туголуков В.А. Хантайские эвенки. Сибирский этнографический сборник, V, Труды Института этнографии АН СССР, т. 84, М.-Л., 1963, с. 5-33.
50. Устав об управлении инородцев Сибири. Полн. собр. Законов Российской империи с 1649 г., т. 28., 1822-1823 гг.
51. Франкфорт Г. и др. В преддверии философии: духовные искания древнего человека. Пер. с англ. М., Наука, 1984, 236 с.
52. Хомяков А.С. О старом и новом. 1839. Цит. по сб. Русская идея. М., изд-во "Республика", 1992, с. 52-63.
53. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. 1836-1837. Цит. по сб. Русская идея. М., изд-во "Республика", 1992, с. 37- 48.
54. Чистобаев А.И. Концепция устойчивого развития этноценозов Севера. Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Европейского Севера Российской Федерации. Тез. докл. региональной конференции. Сыктывкар, 1994, с. 49-50.
55. Чистобаев А.И., Хрущев С.А., Громова Ю.В. Л.Н.Гумилев и этноценозы российского Севера. Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 7, 1994, вып. 2, с. 40-45.
56. Штильмарк Ф.Р. Таежные дали. М., 1972.
57. Штильмарк Ф.Р. Историография российских заповедников (1895-1995). М., 1996, 340.
58. Abou, Sylim. L'identite culturelle. Relations interethniques et problemes d'acculturation. Paris, 1981. 237 p.
59. Andrews, Thomas A. Selected Bibliography of Native Resource Management Systems and Native Knowledge of the Environment. Freeman M.M.R., Carbyn L.N. (eds). Traditional Knowledge and Renewable Resource Management in Northern Regions. Boreal Institute for Northern Studies, Occasional Publication № 23, Edmonton, 1988. P. 105-204.
60. Bastide, Roger. Le prochain et le lointain. Paris, Cujas, 1970, 302 p.

61. Beach, Hugh. Reindeer-Herd Management in Transition. Uppsala, 1981, 527 p.
62. Bell R.K. 1994. Indigenous Knowledges, Sustainable Development and Cooperative Management (The FJMC Experience). Arctic Environment. Report on The Seminar On Integration of Indigenous Peoples Knowledge. Reykyavik, 1994.
63. Bjorklund, I. Sami Reindeer Pastoralism as an Indigenous Resource Management System in Northern Norway. In: Traditional Knowledge and Renewable Resource Management in Northern Regions. Boreal Institute for Northern Studies, Occasional Publication N° 23, Edmonton, 1988, p. 105-124.
64. Charrin A.-V. Culture et folklorisation de la culture chez les Koriaks du Kamtchatka. Peuples des Grands Nords: traditions et transitions. Paris, ed. INALCO, 1995, p.21-32.
65. Convention de la Baie-James et du Nord quebecois et conventions complementaires. 1991. Quebec.
66. Delaporte I., Roue M. Une communaute d'eleveurs de rennes. Paris, 1986, 200 p.
67. Descola, Philippe. Ethnecite et developpment economique: le cas de la federation des centres shuar. Indianite, ethnocide, indigenism en Amerique Latine. Toulouse, 1982, p. 221-237.
68. Idées et action, N° 113-1976/6. Bulletin de la Campagne mondiale contre la faim - action pour le developement, FAO, Rome.
69. Ingold, T. Social and economic problems of Finish Lapland. Polar Record, vol.16, N° 105, 1973, p. 809-826.
70. Juniper, I. Priority of native harvesting in Northern Quebec. In: Caribou management. Census Techniques. Status in Eastern Canada. Proceedings of Second North American Caribou Workshop. McGill Subarctic Research Paper N 40, 1985.
71. Khodarovski, Michael. La conquete de l'Est. Autrement, Serie Monde - H.S. N° 78, "Les Siberiens", Paris, 1974, p. 64-79.
72. Latouche, Serge. Faut-il refuser le developpement? Essai sur l'anti-economie du tier-monde. Paris, 1986.
73. Latouche, Serge. L'occidentalisation du Monde. Paris, 1989, 140 p.
74. Leblond, N.R. Porcupine Caribou Herd. International agreements on wilderness preservation and wildlife management. Canadian Arctic Resource Committe, Ottawa, 1982, 156 p.
75. Lecaillon, Jean-Francois. Resistance Indiennes en Ameriques. Paris, 1989, L'Harmattan, 218 p.
76. Navet, Eric. Ecocide et peuples naturels: le cas des Amerindiens subarctiques. Arctique horizon 2000. Les peuples chasseurs et eleveurs. Ed. de CNRS, Paris, 1991, p. 123-124.
77. Navet, Eric. Au Canada, une lutte d'influences. Etre et rester Amerindien. Terre indienne le chemin des larmes. Autrement, Paris, 1991, p. 117-131, 147-162.
78. Pachero de Olivera., J. Terres indiennes et frontiere economique. "Ethnie", 1990, N° 11-12, p. 16-22.
79. Partan, F. La fin de developpement, naissance d'une alternative. Paris, 1982.
80. Perrot, M-D., Rist, G., Sabelli, F. La mythologie programmee. Paris, 1992.
81. Platteau J.F. Les economistes classiques et le sous-developpement. Vol. 1, 2. Paris, 1978.
82. Roue, M. Rennes et caribous: gestion traditionnelle aytochtone. Gestion moderne gouvernementale. In: Caribou management. Census Techniques. Status in Eastern Canada. Proceedings of Second North American Caribou Workshop. McGill Subarctic Research Paper, N° 40, 1984, p. 119-129.
83. Roue, M. Quelques reflexions sur les caribous et la gestion de la faune. Recherches Amerindiennes au Quebec, v. XV, N° 3, 1985, p. 39-43.